

ПИОНЕР

Май — июнь

Издательство „Правда“ 1944 г.

5—6

Костя Кравчук.

Подвиг юного ленинца

Это было суровой осенью 1941 года. В предместьях Киева шли жестокие бои. В это время десятилетний житель Оболенской улицы Костя Кравчук вышел во двор и услышал чьи-то стоны. Он приоткрыл калитку и увидел у забора двух раненых красноармейцев. Один из них позывал Костю.

— Ты пионер?

— Да, — ответил Костя.

— Так возьми эти свёртки... Там два боевых знамени. Спрячь их, сохрани до прихода наших!..

И, поддерживая друг друга, раненные пошли по шоссе навстречу спускающимся с горы немецким танкам. Высокий боец, который отдал Косте знамёна, выпрямился и швырнул гранату в головной танк. Раздался взрыв.

Десятилетний пионер Костя Кравчук сохранил боевые знамёна, доверенные ему погибшими знаменосцами. Сначала он спрятал их в саду, под старым деревом. Но потом он подумал, что это — недостаточно надёжное место. Он откопал их, завернул в мешок, густо обмазал смолой и опустил в заброшенный колодец за городом. Часто проверял он, целы ли знамёна, даже по ночам приходил к колодезю. Два года прятал маленький пионер в оккупированном городе боевые красноармейские зна-

мёна. Ни матери, ни другу ни одним словом не обмолвился он об этом.

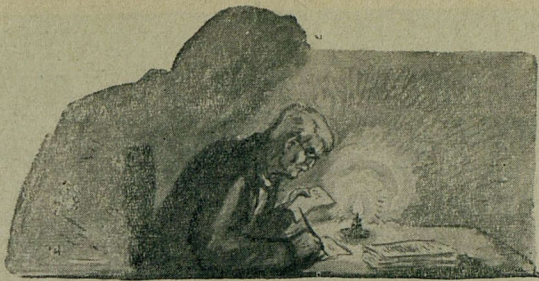
Незадолго до прихода Красной Армии в Киев Костю Кравчука вместе с другими жителями города погрузили в товарный вагон и повезли в Германию. По дороге, на полном ходу, он выскочил из вагона. Незнакомыми дорогами и тропами стал он пробираться обратно в родной город, Киев уже был освобождён войсками Красной Армии. Добравшись до дому, Костя прежде всего пошёл к заветному колодезю.

Старый полковник, награждённый несколькими орденами, которому Костя вручил сбережённые знамёна, крепко обнял его и назвал героем. Костя Кравчук оправдал высокое звание юного ленинца. Его мужество, его дисциплинированность по-плечу настоящему воину.

«Костя заслужил, чтобы мы, воины Красной Армии, положили ему руку, как солдату», — так писал о нём капитан Степичев.

Указом Президиума Верховного Совета СССР киевский пионер Костя Кравчук награждён орденом Красного знамени — орденом, которым награждаются на войне люди с отважным сердцем, люди, совершающие подвиги. И подвиг Кости Кравчука войдёт в летопись войны.

Большой друг

М. Кинцис

Рис. В. Цельмера

Наша беседа с секретарём горкома комсомола подошла к концу, когда открылась дверь и в комнату вошла стройная светловолосая девушка.

— А, Катя! — сказал секретарь. — Знакомьтесь, товарищи: это наша знаменитая партизанская разведчица.

— Ну, что ты! — смутилась девушка. — Я пришла прощаться. Завтра уезжаю.

— Что ж, не смею задерживать. Желаю, Катюша, боевого счастья, — и он крепко пожал ей руку. — Да, чуть не забыл, у меня к тебе дело. Тут в последние дни на имя Ивана Антоновича со всех сторон идут письма и телеграммы. Кому же ответить за него, как не тебе.

Он достал из письменного стола свёрток и протянул его девушке.

Она села на диван, положила письма и телеграммы на колени и стала их разбирать.

— Да ведь это же всё от наших ребят. Подумайте только! Лёша Окворцов здесь поблизости воюет, а мы ничего не знали! Ему присвоено звание Героя Советского Союза. А вот от Люси. Наша тихоня Люся — уже капитан медицинской службы! А это телеграмма от Вани Горюшко. Он лежит в Москве в госпитале и просит Ивана Антоновича скорее откликнуться. А вот от Миши Новикова. Пишет, что мечта его сбылась: он строит самолёты. Зовёт Ивана Антоновича к себе.

Катя замолчала, склонив голову на письма и потом произнесла тихо:

— И всё к Ивану Антоновичу, к Ивану Антоновичу, не забыли старика. Что же мне написать вам, друзья, как ответить?

— Кто это — Иван Антонович, у которого столько друзей? — спросила я.

Катя подняла голову:

— Иван Антонович? Это такой человек... О нём я могу рассказывать без конца...

Мы вышли на улицу. Стоял чудесный осенний вечер. Темнели стройные силуэты тополей. Далеко за городом догорал закат.

— Вон там, за парком, — сказала Катя, — видите, где начинается пустырь, стояла наша школа. Я вам не могу её показать: немцы, отступая, сожгли её. Иван Антонович Титов преподавал у нас математику. Он пришёл к нам впервые в шестой класс, и, честно говоря, никто из нас сперва не любил нового учителя, а мы, девочки, так даже боялись его. Он был требовательный и строгий. Особенно нам доставалось за подкалывания. У него был удивительный слух. Стоило только кому-нибудь шепотом подсказать, как он вставал, закладывая руки за спину и начинал сердито ходить по комнате.

— Кого же это ты хотел обмануть? — обратился он вдруг к подкалывавшему. — А ну посмотри, что ты сам знаешь. Прощу к доске.

И он так долго держал у доски, задавая столько вопросов, что у каждого из нас пропадала всякая охота подкалывать.

В середине учебного года в класс пришла новая ученица. Была она очень бледенькая, тихая и задумчивая. Никому она о себе ничего не рассказывала, не принимала участия в наших играх. Часто на уроках подолгу смотрела в окно, а потом не могла повторить, что объяснял учитель. Мы почему-то очень её жалели и несмотря

Мы до утра танцевали и гуляли по парку.

на греящие нас последствия подсказывали ей почти хором, всем классом. Но Люся Ермилова не слушала нас, она краснела, как-то съезживалась и говорила:

— Простите, Иван Антонович, я задумалась и не слышала, что вы объясняли.

Иногда она приходила в школу, не приготовив домашних уроков, но и тогда ни у кого из нас она не хотела списывать. Однажды Люся не пришла в школу, не пришла она и на другой день.

— Что с Ермиловой? — спросил Иван Антонович.

— Она больна, — ответил наш староста Миша Новиков.

— Больна, ты говоришь? — тихо повторил учитель. — Плохие вы товарищи, вот что! Больна не она, а её мама, и серьёзно больна. Из-за этого они переехали к нам на юг. А Люся трудно без друзей в чужом городе. Настоящая дружба — это большое дело, ребята. И вы, вместо того чтобы подкалывать Люсю, по-настоящему, ис-хорошему помогли бы ей.

Весь урок в классе было очень тихо; даже наш главный забияка и шутник Слава Бондаренко не вертелся на своей парте. Мы словно боялись ещё чем-нибудь огорчить Ивана Антоновича.

И знаете, с того самого дня мы полюбили нашего учителя математики. Вероятно, это произошло потому, что мы тогда поняли, какой он доб-

рый, хороший человек. Вечером мы узнали от Люси, что Иван Антонович был у них накануне, всю ночь продежурил и постели её мамы, вызывал к ней врача, ходил за лекарством.

Мы подружились с Люсей и, когда её маме стало лучше, по вечерам собирались у них, читали вслух, пели, беседовали по разным вопросам; часто сюда приходил и Иван Антонович.

Люся не была уже теперь такой задумчивой и учиться стала намного лучше, да и не только Люся — все мы стали учиться лучше.

Вообще, знаете, мы как-то незаметно полюбили математику. До шестого класса я, например, считала этот предмет самым скучным и отвлекательным. И, конечно, еле вытягивала на «удочку». Но Иван Антонович умел так живо и увлекательно говорить о математических законах и алгебраических формулах, он умел так наглядно показать нам их практическое значение во всех областях жизни, что мы постепенно так увлеклись предметом, что даже создали в школе кружок математики. Руководил им, конечно, Иван Антонович. Одно время у нас только Леша Скворцов немного отставал. Он был как раз в моём звене, и на совете отряда мне тогда поручили взять его «на буксир». Я охотно согласилась и сказала об этом Ивану Антоновичу, я думала, что он обрадуется, а он рассердился.

— Не понимаю, что значит — звать Лешу Скворцова на буксир? — строго спросил он.

— Я буду ему помогать, ходить к нему домой после уроков, объяснять ему всё непонятное.

— Лёша,— обратился вдруг Иван Антонович к Скворцову,— разве ты глуше всех в классе, что тебе должны помогать учиться? Не верю этому. Убежден, что если на время оставишь своих голубей, то и сам прекрасно догонишь класс. Я думаю, что ты в няньках не нуждаешься. Так что ли, Лёша?

— Не надо мне буксира. Выдумали! — ответил красным как рак Лёша.

И правда. Не прошло и недели, как Лёша догнал класс, стал хорошо учиться. С тех пор четыре года он был отличником.

Сейчас Лёша командует тяжелой артиллерийской батареей, и, вероятно, неплохо командует. Если ему присвоено звание Героя Советского Союза. Пригодилась Алексею математика. Как видите, не ошибся наш старый учитель.

Каждого из нас Иван Антонович знал, что называется, наизусть. Знал каждую мелочь нашей жизни, и мы никогда даже не пробовали его обмануть: всё равно из этого ничего бы не вышло. Летом он участвовал с нами во всех путешествиях, походах, прогулках, а когда каникулы подходили к концу, обычно говорил:

— Ну-ка, повторите хорошенько всё, что мы проходили, спрашивать буду строго, сами знаете. И мы садились за книги.

Пять лет преподавал нам Иван Антонович, и теперь я понимаю, что учил он нас не только математике, но и трудному искусству жить честно и смело.

На примерах нашей школьной жизни он учил нас не бояться трудностей, упрямо и настойчиво добиваться поставленной цели и выше всего ставить благо родной страны. Я помню его задушевные беседы с нами о прошлом и будущем нашей русской земли, о том, какие широкие дороги открыты перед каждым из нас.

И мы постепенно привыкли видеть в Иване Антоновиче не только строгого и взыскательно-го преподавателя, но и самого лучшего старшего друга. Мы приходили к нему со всеми своими бедами, огорчениями, со-

мнениями и всегда получали дружеский совет и поддержку, а если сами в чём-нибудь были виноваты — и такое случалось, — он наводил очень суровую, но справедливую критику.

Как жаль было расставаться со своим любимым учителем!..

Помню последний, выгускной экзамен. Вот в этом парке мы бродили целыми днями с книгами и повторяли пройденное. На этой самой скамеечке мы сидели тогда с Люсей Ерицовой — к нам подошёл Иван Антонович с Мишей Новиковым.

— Иван Антонович, мне кажется, что я ничего не знаю, — сказала я.

— Стыдно, стыдно бояться! Ты же у меня самая смелая, если что, тебе Миша по старой памяти подскажет. Верно, Миша? — шутил он.

Потом был наш последний бал. Мы украсили школу, на тополях развесили разноцветные фонарики. Ночь была такая же тёплая, как сейчас. Мы до утра танцевали и гуляли по парку. Иван Антонович был с нами. Он всё шутил, смеялся и уже под утро, когда надо было прощаться, собрал всех и сказал:

— Дорогие мои друзья! Вот и настала пора выходить вам в самостоятельную, большую жизнь. Чудесный путь лежит перед каждым из вас. Будут на этом пути и препятствия, и неудачи, и горести. Но помните: тот, у кого впереди ясная и высокая цель и кто хочет к этой цели идти, дойдёт несмотря ни на что.

Он помолчал, потом с обычной своей тихой улыбкой добавил:

— Хальт! — заревел немец. — Хальт!

— И не забывайте своего старого придирчивого учителя. Пишите мне, друзья. Буду очень рад.

Он закашлялся, и, может быть, мне только показалось, но на глазах его блеснули слёзы.

Мы разбежались в разные стороны. Но друзья с учителем не порывали. К Ивану Антоновичу шли письма из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова. Я была от него ближе всех. Однажды я получила денежный перевод от Миши Новикова и Кости Зубкова. На обороте было написано всего несколько слов: «Скоро день рождения нашего любимого старика, купи ему подарок, а если сможешь съездить, пожми и за нас руку».

Война помешала мне закончить институт. Вместо того чтобы изучать педагогику, я стала учиться искусству разведки, и в партизанском отряде мной были довольны.

Не раз приходилось мне очень трудно. Но всегда в такие минуты я почему-то вспоминала юность, школу, Ивана Антоновича и его последние слова на выпускном вечере, и как-то легче становилось, знаете, словно сил прибавлялось.

Однажды я получила задание придти сюда, в этот город, где прошло моё детство. Путь был трудный и длинный. Но когда добралась, первым делом потянуло к родным местам.

Пошла я к школе, а там пьяная немчура песни распевает, в окнах яркий свет. Прислонилась я к толопу и стою, не могу глаз оторвать от школы. И вспомнилось мне, как кружились мы здесь, вокруг красавицы-ёлки, как бегали весной в светленьких платьицах, как танцевали последний раз. Стою, а слёзы на глаза наворачиваются.

Вдруг дверь с шумом распахнулась и два пьяных гитлеровца, шатаясь, вышли на крыльцо.

— Девушка! — воскликнул один, и они направились ко мне.

А я словно околела. Потом опомнилась и бросилась бежать.

— Халт! — заревел немец. — Халт!

Раздался выстрел, другой, третий. Последним ранило меня в ногу. Как раз вот сюда, чулок сразу намок от крови. «Буда ийти?» — подумала я и тотчас вспомнила про Ивана Антоновича. Его домик был недалеко от школы, вон, видите, за той вышкой начинался его сад. Кое-как дошла, тихо-тихо постучалась.

— Кто там? — услышала знакомый голос.

— Это я, Иван Антонович, Катя. Дверь открылась, он узнал меня сразу, заволновался. Вместе с женой они стали около меня хлопотать, перевязывать ногу, потом накормили.

Барвара Семёновна погасила конптилку, и мы легли, но никто из нас долго не мог заснуть. Утром я увидела, как за короткое время изменился наш учитель. Он стал совсем седой.

Я осталась у них. Днём они прятали меня в подвале, а ночью я поднималась наверх. Однажды проснулась и увидела, что Иван Антонович сидит около конптилки и что-то пишет.

— Что вы пишете, Иван Антонович? — спросила я.

И он рассказал, что один из его учеников, Лёша Панченко, сделал маленький радиоприёмник и теперь у себя на чердаке ежедневно принимает сводку Советского Информбюро, а потом приносит её сюда. Иван Антонович переписывает сводку, а ночью вместе с учениками расклеивает по городу. Я стала им помогать.

Когда нога моя зажила, я начала собираться в обратный путь. Иван Антонович попросил передать командиру, чтобы и его считали партизаном, что он готов выполнить любое задание, любое поручение. Своё слово Иван Антонович сдержал.

Много ценных сведений собрал он для партизан, многих наших людей прятал у себя, спасая от верной гибели. Несколько раз после этого и я приходила к нему. А однажды пришла и не нашла знакомого домика. На его месте торчала только обгоревшая труба. Забыв об опасности, я всю ночь бродила по городу, разыскивая Ивана Антоновича. Уже начало светать, когда меня кто-то позвал.

— Тетя Катя, тетя Катя!

Это был Лёша Панченко. Мы поднялись к нему на чердак, и здесь мальчик всё рассказал мне. Немцы выследили Ивана Антоновича и арестовали. Несколько дней они мучили его в гестапо, требуя, чтобы он назвал партизан, указал их явки. Но Иван Антонович ни слова не сказал палачам, и тогда они повесили старого учителя и его жену вон на той площадке, перед школой, в которой он много лет учил детей. А наутро весь город был оклеен листовками, призывавшими к мести за гибель отважного патриота.

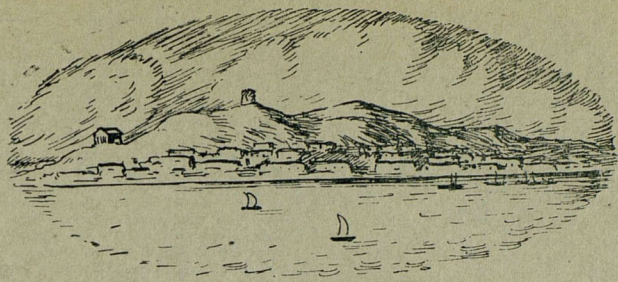
Эти листовки расклеили его маленькие ученики.

— Вот и весь мой рассказ об Иване Антоновиче.

Катя помолчала, потом сказала, словно про себя: — Я мечтаю об одном: вот разобьём немцев, закончу я институт и вернусь сюда учить ребят, обязательно вернусь; и первый свой урок начну рассказом о моём любимом учителе, о самом нашем верном друге.

М О Я К Е Р Ч Ъ

Анна Гарф

«Многие изрубив кровавые доспехи
супостатов, я лежу, сражённый ко-
пьем, в земле Боспорской».

Надгробие Минидора, сына Аполлония.

Почти всё моё детство прошло у подножия горы Митридат, в городе Керчь, расположенном на месте древней столицы Боспорского царства — Пантикапея.

Осколки древних кувшинов, глиняных чаш, позеленевшие от времени монеты, кольца, обломки мраморных надгробий — вот чем мы играли в детстве. Ведь стоило только подняться по большой городской лестнице и выйти за пределы 3-й Митридатской улицы, всего в пятнадцать минут ходьбы от центра города, — и, пожалуй ста, только не ленись нагнуться да не бойся колючек растущего здесь кустарника, в полчаса соберёшь целую шапку красной римской и чёрной греческой посуды. Тут не диво встретить сломанную теракотовую статузтку, погнутый треножник, а то и осколок тиснёного мегарского кубка, носик светильника, расписное доньшко кюлика. А горлышки и ручки амфор мы уже вовсе не считали находкой и упряжались в том, кто их подалше зашвырнёт. Веселее всего было собирать черепки после дождя. Умытые глиняные осколки проступали из влажной почвы, как шляпки грибов. Однажды я нашла черепок, на котором коричневой и жёлтой красками был написан пляшущий фавн в широкополой шляпе с ветвью оливы в руках.

Иногда, стуча зубами от страха и не смея вздохнуть, чтобы не погасла свечка, мы, размазывая клубок верёвок, ползли по лабиринтам подземных катакомб или спускались в древние расписные склепы.

Жёлтое зыбкое пламя свечи выхватит, бывало, из тьмы радужное крыло птицы или цветок повилики. Над головой вдруг обозначится копыто коня, пламя трепыхнётся и осветит витой жезл, каким Гермес, быстрonoгий посланец богов, указывает душам умерших дорогу в царство теней, в неведомый живым Аид.

Но сильней всего влекло нас к небольшому кургану, известному в науке под именем склепа Деметры.

Там на потолке изображена была женщина в синеве хитоне с золотым ожерельем на шее. Каштановые волосы, откиннутые назад, тяжёлыми прядями падали на плечи, и прямо в душу тебе смотрели полные горя её огромные глаза.

Это Деметра — мать, покровительница древнего Пантикапея. Художник изобразил её тоскующей по любимой дочери Персефоне, которую похитил бог мёртвых, когда она собирала цветы на лугу.

Выбравшись из подземных чертогов, мы бежали на взморье и, щурясь от блеска воды, бросались навстречу набегавшей волне, чтобы она сбила с ног.

Отфыркиваясь и барахтаясь в воде и песке, мы всегда видели стоящий над нами, над городом, опирающийся на мощные капители своих колонн, незабываемый на вершине горы знаменитый Керченский музей, построенный наподобие Тезеева храма.

Во всей округе не найти места величественнее. Сколько раз, бывало, аскарабказались сюда, мы слушали немолчный шум вечно свирепствующего здесь ветра! Отсюда, с вершины горы, виден весь пролив с берашками волн от Азовского до Чёрного моря, а также весь, говоря местным языком, «степи», то есть холмистая равнина древнего Боспорского царства, перерезанная насыпями, скрывающими в себе остатки древней крепостной стены. Старательно спрягнув с себя землю и пыль, мы, робея, всходили на белые ступени музея и, пройдя сквозь строй колонн, тихонько стучались в дубовую дверь.

Милее всех статуй, золотых ваз и прекрасных украшений нам было грубое, шероховатое от времени мраморное надгробие Фармака. На нём был высечен воин с тяжёлым мечом в высоко поднятой правой руке. На левой висел большой боспорский щит, за спиной скифский плащ, на голове остроконечный шлем.

Слёзы мне застилают глаза, когда я вспоминаю о том, что теперь в городе Керчи музея нет. Ка-

Деметра — покровительница древнего Пантикалея.

Усыпальница боспорского царя.

Плутон похищает Персефону (стенная роспись в склепе Деметры).

такомбы, склепы, каменные гробницы — всё разграбили, разрушили немцы.

Я помню, как в жгучий полдень июля 1939 года, обливаясь потом, набив кровавые мозоли на руках, работники музея перетирали между ладонями горсть за горстью кубометры земли, чтобы не потерять ни единого черепка, ни единой монетки во взрыхленном слое почвы. За последние годы в числе других открытий под Керчью были найдены и восстановлены древнеримские рыбо-солоньки, античные винодельни, башни древней стены Пантикалея со сторожкой внутри и подпольным погребком. Проникнув туда, археологи нашли остатки пищи, остов осетра, кости быков. Моя лопата зазвенела однажды, ударившись о стену керченского акрополя. Без разрешения Академии наук музей не отважился его раскопать. Своими руками я держала в тот день престеленую, ещё влажную от прикрывавшей её земли головку Психеи с диадемой в раскрашенных волосах.

Каждая насыпь, овраг, обрыв, каждая пядь здешней земли повествуют о жизни и труде людей, с незапамятных времён обитавших здесь: «Камень тебе говорит, кто они» (надпись надгробия Трифониды, жены Филтероса).

На скалах горы Митридат вырублены широкие ступени древних улиц, глубоко в почву осели фундаменты эллинических и римских домов.

Серебряные украшения скифских коней, мечи и кольчуги сарматов, эллинические бронзовые шлемы, древние еврейские семисавченки, предметы культа местной богини Кибеллы, надгробные плиты первых веков христианства — вот предметы, обнаруженные случайно при ремонте мостовой на улицах Керчи.

Подобно тяжело нагруженному судну, корпус которого сидит глубоко в воде, а над морем видны лишь трубы да палубы, Керчь со своей табачной фабрикой, цехами заводов, рыбачьими шаландами, базаром и корпусами стоящих у мола кораблей есть только меньшая, верхняя часть города, древнее основание которого осело глубоко под землю.

Даже дно морское в керченской бухте изобилует памятниками материальной культуры прошлых веков. При постройке керченского мола землечерпалки вместе с землёй извлекли со дна моря греческие амфоры с окаменевшим, похожим на кусочки стекла вином и различные предметы со старинных генуэзских кораблей. Поднимая пласт за пластом слою земли, археолог как бы переворачивает листы вечно живой книги о прошлом нашей родины.

Влюблённые в историю своего края жители города Керчи — моряки, рыбаки, рабочие — привыкли с уважением относиться к труду археологов, к работе музея, куда они и сами, волнуясь, приносили в дар лично им принадлежащие, милые сердцу древние кольца, золотые украшения и драгоценные терракотки.

Благодаря самоотверженной работе многих поколений бескорыстных любителей и неустанным изысканиям русских археологов, некрополь Пантикалея был расследован так полно и подробно, как, может быть, ни один из других некрополей Европы. Необъятный материал, собранный в Керчи и её окрестностях, выявил мировое значение боспорской культуры, особенно в области искусства.

По богатству сохранившихся под землёй памятников архитектуры наша Керчь могла бы стать второй Помпеей. Немцы обошлись с этой старинной хуже, чем древние варвары, которые, войдя в Рим, безжалостно разрушили произведения искусства.

А работа, по существу, ведь ещё только началась. Не были ещё обследованы южные склоны горы Митридат. Ещё не была тронута лопатой учёного замыкающая город цепь холмов — так называемые курганы Юз-Обы, эти грандиозные, сравнимые только с пирамидами Египта усыпальницы боспорской знати.

Немцы не пощадили и этих курганов. Поверженный наземь, под дождём и снегом, придавленный руинами рухнувшего музея, лежит Фарнак — «доблестный родины страж». Он всё ещё разит своим мечом врагов. За плечами его

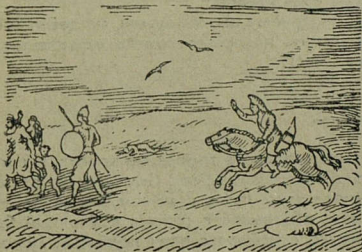
попрежнему развевается скифский плащ. Но голова, разбитая вдребезги, валяется под горой, рядом с раздробленными ногами.

То, что разрушили немцы в Керчи, восстановить нельзя, ибо вещественные памятники о жизни, как и сама жизнь отдельного человека, неповторимы.

И, однако, есть нечто, чего убить и уничтожить невозможно: это память о доблестных людях.

Древние авторы оставили нам много прекрасных легенд о мужестве и верности исконных обитателей крымских степей — скифов.

Эти сказки о дружбе, любви к своему народу и храбрости я написала, подражая древним, в память о тех, кто сегодня в боях за Керчь, «многие изрубив кровавые доспехи супостатов», лежат, сражённые, в родной земле.

ДАНДАМИН и АМИЗОК

У скифов не бывает много друзей. Когда скиф выбирает себе друга, он пьёт с ним из одного рога вино, разбавленное кровью, в знак того, что будет впредь делить с этим человеком не только верселе, но и свою жизнь. Поэтому скиф называет своим другом одного или, самое большее, двух человек.

Шёл четвёртый день дружбы Дандамина и Амизока, когда сарматы числом впятеро большим вдруг напали на скифский стан. Прежде чем воины вернулись с охоты, сарматы уже успели угнать их скот. Они завладели оружием, увели скифских жён и детей, увезли кибитки.

После короткой стычки враги схватили

побеждённых мужчин и, волоча их за волосы, потащили по земле живыми, чтобы сделать их рабами.

Когда Дандамин, прискакав с охоты, увидел друга своего связанного, он с криком: «Зирин, зирин!» — что означает «выкуп», бросился к сарматам. Те привели его к царю.

— Освободи Амизока. Взамен я дам тебе, что хочешь!

— Я взял всё, что ты мог бы дать мне, — отвечал царь. — Твою кибитку, скот, оружие, семью.

— Но самое дорогое при мне, — возразил Дандамин, — и я отдаю это за свободу Амизока.

С этими словами он вырвал свои глаза и бросил их к ногам сармата. Тот в ужасе отступил, уронив наземь свой меч.

Увидав это, пленные скифы с возгласом: «Они отняли у нас всё, но наша честь с нами!» — бросились на сарматов и, безоружные, в рукопашном бою обратили врагов своих в бегство.

— Скажи мне, мой друг, где идёт сейчас сражение? — спросил Дандамин, ощутив на плече своём руку Амизока.

— Не знаю, — отвечал Амизок. — После того как ты ослепил себя, разве я мог остаться зрячим?!

КОМОССАРИЯ

Комоссария, жена скифского царя Агара, видя, как теснимые со всех сторон скифы отступают под натиском врагов, ударила свою лошадь восьмигранной плетью. Животное, обезумев от боли, вынесло всадницу далеко вперёд — так, что вскоре Комоссарию, верхом на бешеном коне, увидели воины, и тогда она крикнула во весь голос:

— Женщины, зажгите кибитки и юрты, как только мужья наши бросят оружие, и тотчас же возьмите детей на руки: кинемся с ними в огонь!

СК И Л

У скифского царя Арипифа был сын Скил. Он родился от матери родом эллинки. Мать дала ему эллинское воспитание.

Царствуя над скифами, Скил не любил их. Когда ему случалось приходиться из скифских степей к эллинам, он оставлял сопровождавших его воинов за городской стеной, а сам, войдя внутрь, прика-

звал запереть городские ворота. И едва это совершалось, как Скил тут же отстёгивал свой пояс с мечом, висящим на нём, сбрасывал с головы войлочный башлык, скидывал с плеч подбитый мехом камзол, стягивал панцирную рубаху, развязывал кожаные подбитые серебром сапоги. Он облачался в лёгкую, сшитую из чёрной шерстяной ткани и льна одежду. Пируя с друзьями, Скил смеялся вместе с ними над грубостью скифов.

Скифы осуждали эллинов за их празднества, особенно в честь бога виноделов Вакха. Не подобает поклоняться такому богу, говорили они, который приводит людей в иступление.

Однако Скил возмел сильное желание быть посвящённым в таинства Вакха. Узнав про это, некий эллин вздумал посмеяться над скифской справжей, которую Скил, как и всегда, оставил за стеною. Он выглянул из окна сторожевой башни и сказал:

— Почему вы, женщины, не даёте мне оплакать позорную смерть единственного сына?!

После боя Савмак был уличён своими соратниками в трусости. Спасаясь от возмездия, он бежал в Пантикапей и там укрылся в храме Деметры-матери.

Почему вы, женщины, не даёте мне оплакать позорную смерть единственного сына?!

Почему вы, женщины, не даёте мне оплакать позорную смерть единственного сына?!

Почему вы, женщины, не даёте мне оплакать позорную смерть единственного сына?!

— Вы, скифы, осуждаете нас за то, что мы устраиваем вакхические празднества и что в нас вселяется бог, а вот теперь этот бог вселился в вашего царя. Если вы мне не верите, следуйте за мной, и я покажу вам.

Скифские начальники последовали за ним на башню, откуда виден был весь город с садами, лежащими вокруг.

Вскоре на площади показался, потрясая тимпаном, Скил в хороводе женщин и юношей, увитых виноградными лозами. Скифы пришли в сильное негодование, сошли с башни и рассказали о виденном всему войску.

По окончании празднеств Скил в бронзовом шлеме с высоким султаном из конского волоса, в бронзовых поножах, в кожаном панцире явился к своему войску верхом на быстром коне. Он приказал воинам немедленно выступить в поход против одного из соседних племён, замыслившего набег на Скифию.

Все начальники тотчас подняли свои отряды и двинулись за Скилом. Он командовал сражением храбро и осмо-

тритеально, успевая всегда быть там, где битва кипела жарче.

Неожиданно встретился он в бою с эллинами, которые были в союзе с врагами скифов. В пылу драки Скил заколол двух своих друзей и потом громко сетовал на судьбу, вложившую ему в руки меч.

Слёзы текли по грязным, запылённым щекам царя, когда он, став во главе конницы, напирал на врагов.

Так, против своего желания, он шёл на тех, к кому лежало его сердце.

Разбив своих врагов, скифы взбунтовались против своего царя Скила и по общему согласию прогнали его.

— Для чего вы поступили так?— спросил пленный эллин, водивший некогда скифов на башню.

— Потому,— отвечали те,— что Скил сражался за то, во что не верил, шёл впереди тех, кого презирал, и царствовал над племенами, обычаи которых не навидел.

ЗАВЕЩАНИЕ ЕВДАМИЯ

Некий эллин по имени Мнезип, беседа со скифом Токсарисом, сказал ему:

— Вот вы, скифы, говорите, что мы, эллины, не понимаем дружбы и среди нас нет настоящих друзей. Для того чтобы это суждение опровергнуть, я расскажу тебе об Евдамии из Коринфа и двух

его друзьях. Этот Евдамий был очень беден и, умирая, начертил такие слова: «Завещаю другу своему Аретей кормить мою мать и заботиться о ней, другу Хариксену завещаю выдать замуж мою дочь с самым большим приданым, какое он может дать».

Оба друга тотчас явились исполнить завещание. Но спустя пять дней Хариксен скончался. Тогда Аретей стал заботиться и о дочери Евдамия. Впоследствии он выдал замуж в один и тот же день свою дочь и дочь Евдамия и дал им одинаковое приданое. Разве это плохой пример дружбы?

— По-моему,— отвечал Токсарис,— то, что ты рассказал сейчас, оскорбительно, ибо ни один скиф не посмел бы обидеть своего друга подобного рода завещанием. Мы, скифы, полагаем, что не только друг, но и чужой человек обязан сделать всё, что может, для беспомощной старухи и малолетней сироты.

ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ

На балтийских кораблях, в батальоне черноморских пехотинцев я встречал ребят, которые делили с моряками все трудности и невзгоды флотской жизни. Со многими из них я подружился. И вот что рассказали мне юные моряки Гея Балинов, Коля Трач и Вадик Каширин.

Старший лейтенант Л. РОГАЧЕВСКИЙ

Осенью 1941 года немцы убили мою мать. Я решил уйти к партизанам. Взял немного хлеба и картошки и со своим товарищем Саней пошёл искать партизанский отряд.

Прошли несколько километров и сели отдохнуть.

— Смотри, смотри! — вдруг закричал Саня.

Шесть «мессеров» догоняли нашего бомбардировщика. Вот они подошли к нему вплотную. Один против шести! Вот один «мессер» камнем пошёл вниз. Но немцам удалось поджечь наш самолёт. Из объёмной пламенем машины выбросился парашютист.

Мы побежали к поляне, где должен был приземлиться лётчик. И через полчаса уже сидели с ним вместе в лесу.

— Всюду здесь немцы, — сказал Саня, — не пройди вам к нашим.

Тут меня такое зло взяло на Саньку.

— Трус ты, — говорю, — а ещё в партизаны со мной собирался! Товарищ лётчик, я вас проведу. Честное пионерское, проведу. Я здесь все леса и дороги знаю.

— Но ведь домой-то ты не скоро вернёшься, небось мамка заругает? — спросил он.

А Саня ему тут же всё про меня рассказал.

И пошли мы. Я впереди, разведывал дорогу, а потом подавал знаки Василию Алексеевичу. Часто мы часами прятались в ямах, закрывшись ветвями. Ели бруснику и клюкву, пили воду из болот, спали обнявшись, чтобы было теплее. На

седьмые сутки, наконец, пришли к своим. Несколько дней я жил вместе с дядей Васей в части, а потом он сказал, что нам нужно пока расстаться. Он усыновил меня и отправил в Ленинград к своей сестре Насте.

— Пиши, сынок, мне почаще, а я уж тут за твоих родных угощу немцев как полагается, — крикнул он мне на прощанье, когда я уже сидел в машине.

А мне так не хотелось от него уезжать, что я даже всплакнул дорогой.

С тётей Настей мы жили очень дружно. Тяжёлой была первая военная зима в Ленинграде. Я ходил к проруби за водой, доставал дров для печурки. Самые радостные для нас были дни, когда мы получали коротенькие письма от дяди Васи. Но после них мне почему-то всегда становилось очень грустно. «Вот, — думаю, — люди немцев бьют, а я здесь сижу».

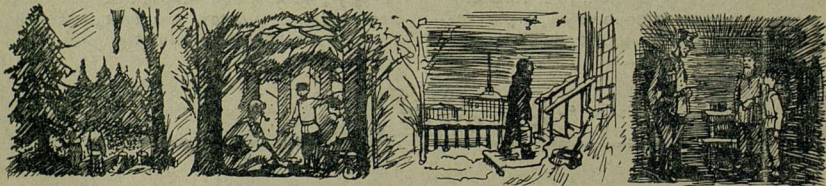
— Ты что грустный, иль письму не рад? — допытывалась тётя Настя.

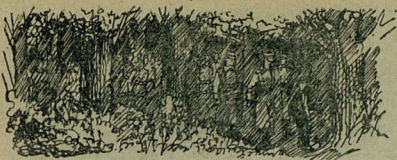
Когда стало теплее, и тётя Настя уже могла обойтись без меня, я стал собираться на фронт.

— Тётя Настя, я вас очень люблю и дядю Васю очень люблю, верите вы мне? — спросил я её.

— Конечно верю, Генечка, что это ты вдруг сынок?

— Тогда отпустите меня, тётя Настя, на фронт, не могу я так жить. Как вспомню немца, который прикладом убил мою маму, так покоя мне нет.

Написал я письмо дяде Васе, распрощался с тётей Настей и ушёл.

Подполковник — командир отряда морской пехоты — сперва никак не соглашался меня принять. Но всё же я его упрямил.

Взял меня к себе в землянку лучший разведчик части, старшина первой статьи Михаил Окунь. Много интересного рассказывал он мне по вечерам, около печурки. Когда он уходил на задание, я каждый раз просил его взять меня с собой.

— А чего ты его, правда, не возьмёшь? — заступился за меня раз снайпер Белов. — Он же хлопец лётчика Василия Балибина, а смотри тот какие чудеса творит: лучший балтийский торпедоносец — пускай и сын учится воевать.

И через несколько дней Окунь взял меня первый раз с собой в разведку. Потом я стал и в одиночку ходить. Чаще всего приходилось бывать в большом селе, недалеко от железной дороги, где находился штаб немецкой части и большие склады. Там я подружился с одним дедушкой, он выдавал меня за своего внука. К нему частенько по ночам заходили партизаны, но об этом никто не знал.

Как-то вечером к дедушке Никифору зашёл немецкий офицер. Мы как раз ужинали.

Офицер сказал дедушке, что немецкое командование ему доверяет, но он должен доказать на деле свою преданность великой Германии. Ему придётся провести карательный отряд к

партизанам по самому короткому пути, через Серебряный брод.

Дедушка побледнел. Тут я вышел вперёд.

— Мой дедушка очень плохо видит, стар он, возьмите лучше меня, я хорошо знаю Серебряный брод.

— Хорошо, приходи завтра в штаб, — сказал офицер и ушёл.

Вечером мы сообщили об этом партизанам и командованию нашей армейской части.

На следующий день в немецком штабе мне сказали, что если я буду выполнять, что приказано, то получу много денег и шоколада, если нет, — немецкую пулю.

Мы вышли в сумерки. Впереди шёл я, потом два офицера, а за нами человек сто солдат.

Мы вошли в лес, быстро стемнело. Я повёл немцев прямо в чащу, туда, где их ждали партизаны. И как только дошёл до условленного места, прыгнул в кусты и в темноте скрылся. Офицер начал стрелять, но я уже мчался к бойцам нашей части. И пока партизаны добивали карательный отряд, я вёл бойцов знакомыми тропами в деревню. Неожиданно для немцев ворвались в неё краснофлотцы, захватили штаб, документы, подожгли склады, уничтожили несколько орудий. Не меньше ста немецких бандитов полегло от наших автоматов и гранат.

Закончив операцию, мы ушли из деревни в землянку Никифора с нами.

Вечером в землянке я написал большое письмо дяде Васе и тётке Насте.

В тот же день, когда мне вручали орден Красного знамени, дяде Васе присвоили звание Героя Советского Союза. Это был самый счастливый день в моей жизни.

Вручая орден, подполковник сказал:

— Молодец Геннадий, ты достоин своего отца!

В школе мы сидели на одной парте и в пионерском отряде были в одном звене. Я был старостой класса, а Женя — вожатый звена. Все знали, что я и Женя Барабаш — лучшие друзья. Летом мы, бывало, целыми днями сидели на молу и ловили бычков. Хоть промолчок весь день — на рыбалке разговаривать не полагаются, — а всё-таки обязательно вместе идём.

Когда к Одессе подошли немцы, мы всё мечтали уйти на фронт.

А потом я потерял своего друга. Я ушёл из Одессы вместе с отрядом морской пехоты. Моряки меня в шутку звали «сухопутный юнга». И стал я разносить почту.

— Ты, Голя, — почтарь, — сказал мне грузин Шавляшвили, — приноси нам почаще письма, а мы тебя ещё больше любить будем. Давай уговоримся: ты мне одно письмо из Гори, от матери, а я пять фрицев на тот свет отправлю.

Прихожу я раз к командиру взвода Романо-ву, а он мне говорит:

— Ну, Коля, нашли мы тебе напарника, взяли сегодня в батальон ещё одного воспитанника. Был ты у нас по малолетству за полбойца, а теперь вдвоём сойдёте за целого краснофлотца. Вместе почтарить станете. Пойдём, познакомлю.

Мы вошли в кубрик. И тут узнал я в новом воспитаннике моего дружочка Женю Барабаша. Вот была радость!

С того дня стали мы вместе разносить почту. Только очень обидно было, что командир, капитан-лейтенант Ботылёв, не разрешал нам ходить в операции.

— У вас, ребята, есть своя обязанность,— говорил он,— доставляйте вовремя газеты, письма, журналы. Учитесь стрелять, а наступит ваше время, я вас сам в бой пошлю.

Как-то ночью Женя мне сказал:

— Коля, а наши ведь к какой-то большой операции готовятся. Замечаешь?

— Определённо.

Нас, конечно, не взяли. С завистью смотрели мы на товарищей, отправляющихся в операцию. Краснофлотец Федоренко на прощанье сказал:

— Если в наше отсутствие придёт почта, садитесь на самолёт и над тем местом, где мы воевать будем, сбросьте нам письма на парашюте. Ну, до скорого... ждите с победой!

На другой день мы уже знали, что батальон Ботылёва высадился на заминированные и опоясанные кольцом фашистских дотов и дзотов новороссийские причалы. Сквозь огненную стену морские техотинцы прорвались на набережную, заняли вокзал, клуб имени Сталина, элеватор, электростанцию и другие здания.

Третий день не утихали бои в Новороссийске.

— Ты подумай,— сказал Женя, вернувшись из ППС с полной сумкой писем,— ведь как нарочно пришли для всех письма!

— Почту раздать нужно. Не отправиться ли нам, Женя, в Новороссийск? — предложил я.

— На чём же мы пойдём?

— На мотоботах, они вечером пойдут с подкреплением.

Так и сделали.

Когда мотоботы подходили к Новороссийску, над городом гремела канонада, в небе полыхало зарево пожаров. Мы спрыгнули на причал и, пригибаясь, побежали вперёд.

Первому я вручил письмо Саме Федоренко. Он быстро взял конверт, а сам продолжал стрелять по перебегающим немцам; я залёг с ним рядом и открыл огонь из своего автомата. Потом вкочил и побежал дальше. А Женя в это время вручал письма бойцам, которые вели огонь из противотанковых ружей.

— Только что получены! — кричал Женя. — Вручаются лично, в собственные руки!

Когда капитан-лейтенанту Ботылёву доложили, что «спотари» в городе, он рассердился. Но, встретив нас, с улыбкой сказал:

— Орлы, честное слово, орлы!

Скоро город был очищен от немцев. В Москве гремели салюты в честь доблестных войск. Сам вице-адмирал вручал награды нашим морякам.

И вдруг он сказал:

— Николай Ткач и Евгений Барабаш!

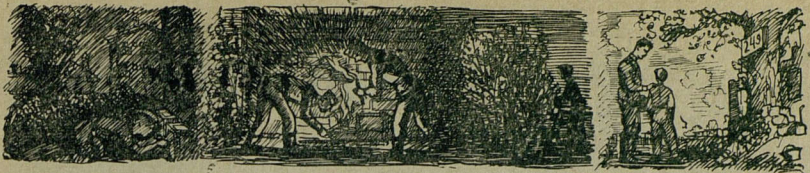
Мы переглянулись: может быть, нам показали? Но всё-таки подошли к вице-адмиралу. Он вручил нам медали «За отвагу», а потом спросил командира Ботылёва:

— Правда ли, что ребята зовут «полбойца»?

— Да, в шутку кто-то прозвал их так,— ответил Герой Советского Союза Ботылёв,— а из самого дела каждый из них—настоящий боец! Душа у них морская, флотская!

И мы твёрдо решили с Женей, что станем настоящими моряками. Будем теперь опять учиться в школе, опять, как раньше будем сидеть на одной парте, а потом будем вместе плавать.

ДЛЯ РОДИНЫ

Когда стемнело, я пополз к складу. Недавно прошёл дождь, земля была мокрая и холодная. Где-то недалеко от меня переговаривались часовые. Но я всё полз и полз. Один из немцев встал и подошёл к складу. Я спрятался в кусты. Обойдя склад, он ушёл. Я пополз дальше. Наконец я увидел у стены ящики с толом, меж ними, точно змеи, вились шнуры. Лёша, мой товарищ, рассказывал мне, что если оборвать шнуры и вынуть запалы, взрыва не будет. И я, переползая от одного ящика к другому, обрывал шнуры и вынимал трубки.

Когда я полз обратно, в небе уже мерцали звёзды. Прислушался—тихо, значит, немцы ничего не заметили. И вдруг я испугался: а что, если они увидят и снова соединят шнуры? Буду следить, решил я: если соединят,— снова их оборву; главное — сделать это вовремя!

Прошла ночь, прошёл день, снова наступили сумерки. Всё громче и громче слышалась орудиная стрельба. Это наши подходили к Анапе. Я снова пополз к амбару, чтобы проверить, не соединили ли немцы шнуры, не вставили ли новые трубки. Так и есть: у амбара стояли новые ящики с толом, их было ещё больше, чем в прошлый вечер. Я начал быстро обрывать шнуры.

Едва я закончил и отполз к кустарнику, как появились два немецких солдата с факелами. Пламя освещало их лица. Факельщики торопились. Они подожгли шнуры и быстро отбежали в сторону. Прошла минута, две, три... Раздался несильный взрыв. Отвалился лишь угол дома, который примыкал к южному углу склада, я не мог туда пробраться — там находилось караульное помещение. Самый же амбар был цел. Немцы с криком бросились обратно к складу.

В это время послышалось наше громкое русское «ура». Факельщики побежали в сторону, но их догнали меткие пули наших бойцов.

Я побежал к нашему сарайчику, где мы жили с Лёшей, но Лёши там не было. А я так устал за эти два дня, что мне не хотелось никуда идти, я лёг, накрылся нашим единственным старым одеялом и несмотря на грохот и стрельбу крепко уснул. Разбудил меня утром Лёша:

— Вадик, Вадик, идём скорее к полковнику. Он тебя ищет!

— Кто?

Но Лёшка не слушал меня, он всё повторял: — Да идём же скорее!

Я достал спрятанный под досками пионерский гастрок, повязал его, и мы пошли.

Он привёл меня в небольшую комнату.

— Разрешите доложить, товарищ полковник,— громко сказал Лёша.— Вот Вадик Каширин, который спас амбар с ячменём. Это я точно знаю.

— Ну, докладывай, — сказал с улыбкой полковник.

Я ему всё рассказал. Когда я кончил, он обнял меня и крепко расцеловал, а потом приказал своему адъютанту накормить нас с Лёшей и одеть.

На следующий день мы шли с полковником по Нижегородской улице. Мы остановились около нашего сада. На старом тополе каким-то чудом уцелел только номер дома.

— Нижегородская улица, дом № 249,— прочитал полковник.

Мы подошли к развалинам.

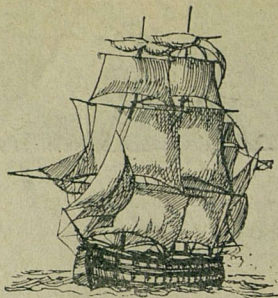
— Здесь мы жили с мамой, пока её не убили немцы,— сказал я.

Полковник снял шапку. Несколько минут мы стояли молча. Потом он лодожил руку мне на плечо.

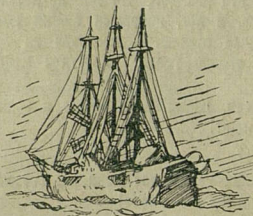
— Пойдём, Вадик,— сказал он тихо,— эти страшные дни никогда для тебя не повторятся.

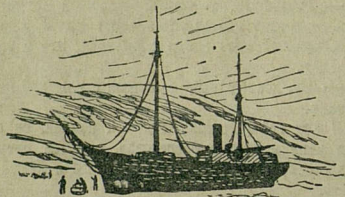
Знаменитые

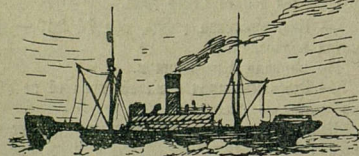
1. Этому кораблю посвящено крупное произведение знаменитого писателя, который сам на нём плавал. Что это за судно, когда и куда оно плавало?

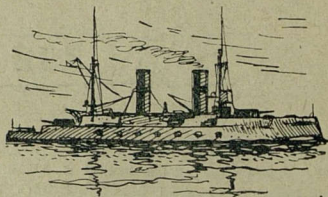
2. Это судно — патриарх современного изучения Арктики. Где оно плавало, кто водил его во льды, чем прославлено его имя?

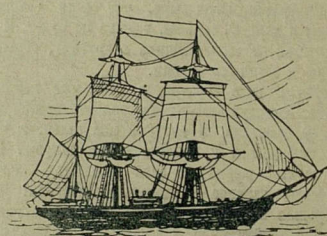
3. Имя этого небольшого корабля вызывает в памяти драму, полную героизма, разыгравшуюся в 1912—1914 годах. Что это за судно, кто им командовал, когда и как протекало его плавание и чем кончилось?

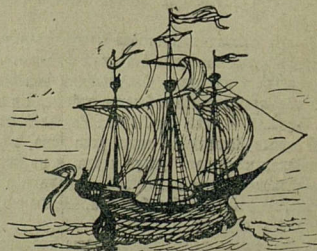
4. Первое имя этого ледокола было «Таймир». Знаете ли вы, в какой экспедиции принимал он участие, кто командовал им в ту пору, какой второй корабль совершил при этом совместное с ним плавание, какие земли были открыты? Известно ли вам кроме того какое второе имя получило славное судно, чем прославлено его, с именем какого знаменитого лётчика связана эта слава?

5. Сражались на этом линейном корабле, советские моряки показали всему миру образец несгибаемой стойкости в борьбе против целой эскадры врагов. Когда и где произошёл этот славный морской бой?

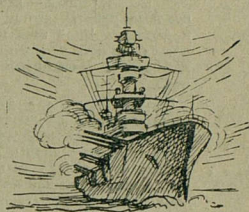
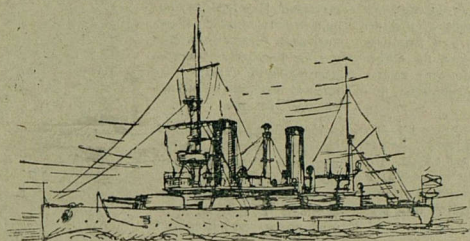

6. Вот судно — научная лаборатория: в тесных каютах его вырос гений человека, перенервнившего наше представление о мире. Что это за корабль, где и когда он плавал, кто был его капитаном и кто — пассажиром?

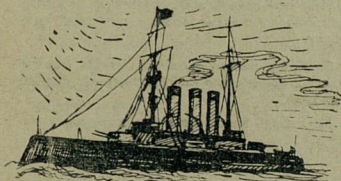

7. Несколько столетий назад, 12 октября, этот кораблик открыл новую страну в жизни человечества. По размеру и водоизмещению эта скорлупка равнялась небольшому портовому буксиру: два десятка метров в длину, десяток в ширину. Кто вёл маленькое судно в славный путь?

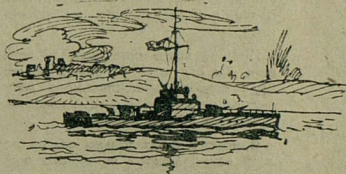
КОРАБЛИ

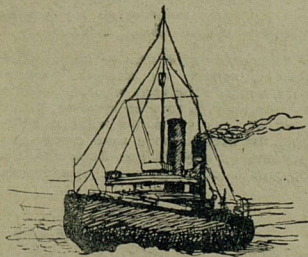
8. Оба эти судна известны под одним и тем же славным именем. Определите, кто плавал на первом из них, где и как погиб? Чем знаменат второй корабль — тёмка первого?

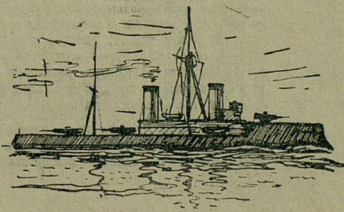
9. Это славный предок могущественного флота. В своё время гром его залпов раскатился по всему миру. Что это за корабль-буревестник, корабль-символ?

10. Славные традиции прошлого живут на нашем флоте. Знаете ли вы, в обороне какого города принимала участие эта канонерская лодка? Имя какого героя-комсомольца она носит?

11. Вот корабль, сооружённый в конце прошлого века по проекту знаменитого русского флотовода. Известно ли вам его имя, имя его конструктора, а также и самая высокая широта, до которой судно доходило в своих плаваниях?

12. Вот корабль, составивший эпоху в судостроении. Когда он построен, в какой стране, какое нес вооружение, чем отличался от своих предшественников? Что означает его имя?

В ПУТЬ-

ДОРОГУ

А ---
 Б
 В ---
 Г ---
 Д
 Е ---
 Ж
 З ---
 И
 К ---
 Л ---
 М
 Н
 О ---
 П ---
 Р
 С ---
 Т
 У
 Ф
 Х ---
 Ч ---
 Ц ---
 Ш ---
 Щ ---
 Ъ ---
 Ы ---
 Я ---
 Ю ---
 Я ---

М ногие ребята уедут на лето из города — это в лагерь, его на полевые работы, кто погостит в родных деревню. Иной хоть и никуда не собирается уезжать надолго, но мечтает летом побывать с товарищами в туристском походе.

Торю собирается в путь-дорогу, но откладывать этого на последний день. Бывалый пионер, опытный турист не знает, что такое сумевшие сборы. Давно известно: в спешке чего только ни положишь в чемодан, а нужных вещей не окажется под руками или о них забудешь.

Составь список необходимых вещей — и ты увидишь, что многие из них не в порядке, а некоторые и вовсе нет.

В походе руки должны быть свободны. Если ты будешь прыгать через канавы, переправляться через реку с вещами в руках, ты быстро устанешь. Все вещи нужно уложить в заплечный мешок, привязать к поясу или перекинуть на ремне через плечо.

Прежде всего приготовь заплечный мешок. Ты его можешь сшить из какого-нибудь старого хозяйственного мешка. Посмотри на рисунок — и тебе ясно станет, как принимать за эту работу.

В дорогу бери только самые необходимые вещи. Собрать походного снаряжения заключается в том, что вещи, которые ты берешь в дорогу, служат не только по своему прямому назначению, но и могут быть использованы для других целей.

Например нет необходимости брать с собой подушку, хотя бы и маленькую. Достаточно иметь наволочку, которая очень мало займет места в мешке. В лагере ты сможешь набить наволочку своим или соломой. А в походе в наволочку можно положить смену белья, теплую рубашку или свитер, и у тебя будет сменная походная подушка. Кстати: теплую рубашку или свитер обязательно возьми с собой. В походе они могут очень пригодиться.

Если у тебя нет фляжки, сделай ее сам из бутылки, обложив ее ватой, паклей или тряпочками и обшей лоскутом плотной

матери. Пришей текстику, чтобы можно было надевать фляжку через плечо. Выступай ноюм деревянную пробку и платно подогони ее к горлышку бутылки.

Не забудь о мелочах. Иголка, наемчик, нитки, запасная пилочка, шуруп, моток шпатага, английская булавка, несколько гвоздиков, кусочек кожи, кусок тонкой проволоки, свечной огарок, спички — все это очень нужные вещи в походе.

Готовясь к отъезду, соберай все эти мелочи не торопясь. Подумай, что еще ты добавил бы к ним.

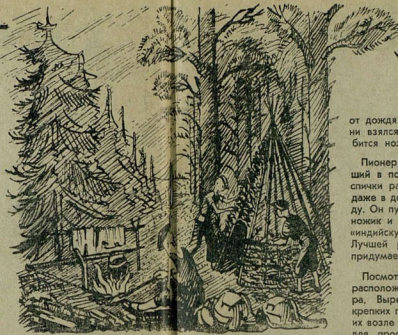
Для мыла и зубного порошка нужно иметь отдельные металлические коробочки. Зубную щетку заверни в чистую тряпочку.

Запасись чистой бумагой. Чтобы она не млялась, сделай для нее плотную картонную обложку.

Не забудь взять с собой карандаш.

Один охотник рассказывал, как во время своего блуждания по тайге он потерял свой нож. Это открытие ошеломило его. «Если бы я потерял свой ружье», — говорил он потом, — это было бы для меня меньшим ударом. Без ножа в тайге, как без рук. Потом он вспомнил, что оставил его на стоянке. И охотник вернулся на эту стоянку, потратив на дорогу целый день.

В походе складной нож — незаменимая вещь. На привале ты захочешь развести костер, чтобы согреться чаю или соорудить какой-нибудь горючие кушачья. Может случиться и так, что в пути тебе засинит ногу. Ты промок, тебе надо согреться и просушить одежду. Может быть, придется соорудить простейший навес для защиты

от дождя. За что бы ты ни взялся, тебе понадобится нож.

Пионер, не раз бывавший в походах, с одной спички разожжет костер даже в дождливую погоду. Он спустит в вод своей ножки и быстро сделает невидимую палочку. Лучшей растопки и не придумаешь.

Посмотри, как удобно расположился он у костра. Вырезал несколько крепких прутьев, воткнул их возле огня и развесьил для просушки бельё и обувь. Пока одежда просыхает, он не теряет времени даром и верит обед.

Если придется заночевать в лесу, ножик и тут выручит. Из нескольких жезлов сложи остов шалаша. Нарезь ветки и переплети ими жерди. Вплетай аетки лиственной накладки ряд на ряд. При такой укладке вода будет скатываться вниз, не задерживаясь на поверхности шалаша и не проинкая внутрь.

Обычно шалаши строят двухскатные или круглые. Круглый шалаш строится проще и быстрее. Как его сделать, видно на рисунке.

Внутри шалаша пол выстели сухой листвою, хвойными ветками, мхом. Если участником похода неантоно, то каждый может себе сделать более усовершенствованную постель — походный матрац из хвойных веточек. Из крупных жердей свяжи раму, укрепи ее колышками. Внутри рамы уложи несколько не очень крупных хвойных веток, засовывая концы их под раму. Такой матрац достаточно мягко и хорошо пружинит.

Береги свой нож. Никогда не оставляй его на земле и держи подальше от огня.

Сшей для ножа чехольчик со шнурком, концы шнурка закрепи на пояском ремне.

Вероятно, ты захватил с собой записную книжку. Но записная книжка пионера служит ему не только для того, чтобы делать в ней случайные заметки для памяти. Она должна быть для него и маленьким справочником. Значит, в записную книжку надо заранее вписать все то, что может тебе понадобиться в походе и что ты недостаточно знаешь написать: дорожные знаки; азбука Морзе; что нужно делать в несчастных случаях: при порезах и ушибах, при переломах кости, при отравлении, при укусе змеи, при солнечном ударе, при ожоге; как определять страны света без компаса; как запомнить дорогу, чтобы не заблудиться.

Сюда же помести табличку с некоторыми измерениями своего тела. Напомним: рост, ширина размаха рук, величина шага и т. п. Эти мерки помогут тебе более точно определять небольшие расстояния, длину и ширину предметов.

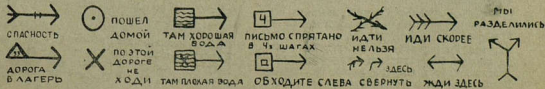
Азбуку Морзе и дорожные знаки сразу же, не откладывая, перепиши в свою книжку. Дорожные знаки, нарисованные на земле или выложенные веточками, укажут отставшим или заблудившимся в походе ребятам правильное направление, помогут догнать своих.

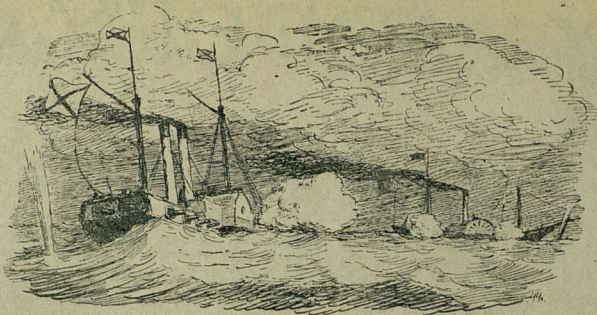
Вдобав можно принять флажкограмму, не зная неплать азбуку Морзе. Один следит за передачей и вслух говорит все, что видит: точка, тире, отмак, двойной отмак; другой записывает со слов товарища. Отмак при записи отмечается одной вертикальной чертой, двойной отмак — двумя вертикальными черточками. Когда весь текст принят, можно заняться расшифровкой, пользуясь таблицей, записанной в второй книжке.

Н. Студенцкий

Азбука Морзе.

Победа моря

Из повести об адмирале С. О. Макарове

Часть вторая. 1853 год

Сергей Григорьев

Рис. П. Кузьмичёва

ВРЕМЯ ИДЕТ

Дворовые и уличные псы поднимали, издали встречая и далеко провожая почтальона, озабоченный лай. У кого было основное ждуть письмо, тот по собачьему лаю выходил за ворота и спрашивал:

— А нам нет письма?

— Пишут! — отвечал на ходу почтальон и проходил дальше, провожаемый лающей стаей.

— Почему собаки не любят почтальонов?

— Главное — то, что собака — тварь разумная, — говорил дядька Поступаев, обсуждая со Степаном этот вопрос. — Почтальон приносит письмо. Ну и что? Редко кому в письмо радость прописана: не деньги получить, а долг плати. Или кто умер. Ну хоть бы так: взяли меня на войну — и там меня убило. И пишут тебе письмо: де пал честною смертью за отчество сверхсрочный матрос Никифор Поступаев. Легко ли? Поди, ты бы зарева, по полу начал кататься, ногами брыкаться — всячески горе своё изживать...

Степан, подумав немного, сказал:

— Я теперь мало реву. Я бы тогда пошёл тоже на войну, да того, кто тебя застрелило, из ружья — бух-тарарах — в самое брюхо!..

— Вот спасибо, хлопчик! Только идти на войну — ох как трудно!.. Приятного тоже мало.

— А собака?

— Собаке от письма неприятность в первую голову. Прочитали письмо. Хозяйка — в слезы. Хозяин призадумался, сидит, голову повесил. Ребята присмирели: как бы и нам не пошло! Пёс, конечно, понимает, виляет хвостом, кладёт хозяину голову на колени. Всеми собачьими средствами даёт знать:

«Я-де понимаю, что у вас семейная неприятность, сочувствую». А хозяин пса в бок сапогом: «Пооди ты, не до тебя!» Пёс и соображает, отчего всё неудовольствие — от письма. А кто письмо принёс? Почтальон. Да ну тебя к ляду! Ступай себе мимо! Не надо нам твоих писем!

Степан подмигнул дядьке. У него было давно готово возражение:

— А Яри?

— Ярд потому в дружбе с почтальоном, так полагаю, что у них с почтальоном одна присяга.

— Присяга? Какая присяга?

— Придёт время, поймёшь.

Всё чаще Степан слышит в ответ на свои вопросы этот уклончивый ответ:

— Придёт время, сам поймёшь, узнаешь!

— А когда время придёт?

— Да уж будь покоен — время идёт, не стоит!..

Из всего, что Степан узнал, а понять не может, то, что «время идёт», — самое непонятное.

Степан задумывался над тем, как это время идёт, приходит и уходит, до того, что по ночам не спал и всё думал. И ночью бывало так, что где-то далеко у городских ворот собаки начнут лаять, сначала далеко, невнятно, ближе, громче, яростней, и мимо дома, в сторону Лимана, катится облак собачьего лая. И мнитесь Степану, что это идёт Время-Почтальон и разносит по городу горе. Страшно! Степан натягивает на голову одеяло

и прислушивается — собачий лай затихает. Время прошло.

— Да, время идёт. — говорил со вздохом отец, поглядывая на Степана. — Растут, мать, детки наши, растут. Что-то им время принесят... Догоняют нас детки!

Степан знал, что он растёт, по меткам, сделанным отцом на косяке выходной двери. Раза четыре в год — зимой, весной, летом и осенью — все дети босиком, поочередно становились на порог, и отец, проводя над их темнеющей линией, ставил на косяке черту и буквы — «А», «Я», «Г», «С», — год, месяц и число. Выше всех была черта отца. Рост матери не отмечался: она уже «росла в землю». Она родила Осипу Фёдоровичу семерых — троё умерли, выжило четверо. Мать с грустной улыбкой смотрела, когда по требованиям детей и отец, скинув сапоги, становился под мерку и отмечал ребром ладони свою, самую верхнюю черту.

— Моё дело конченное, — говорил Макаров, — я достиг своего предела.

Штешок начал тянуться и догонял ростом Ганку. Старший брат, Александр, — штурманский ученик, худой и длинный, — догонял отца. Второй, Яков, — головастый крепшюнта учебной Николаевской команды, — занимал по ранжиру среднее место, он пошёл стаять и скалдыл в мать и обещал быть коренастым человеком среднего роста.

— Ты будешь у нас всех выше! Выше батька! — говорила Ганка про Степана...

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

— Дядька, а как собаки ночью время узнают? — решили спросить Поступаева после долгих и бесплодных размышлений Степан.

— Собаки? Уж и не знаю, что тебе на это ответить.

— А люди?

— Люди? У кого часы есть, — по часам, а у кого нет, — по солнцу... В море время узнают по хронометру. А то по пущке. На кораблях в рынду склянки бьют — сколько склянок пробьют, столько и время прошло... Ты насчёт этого, хлопчик, лучше не думай: ум за разум зайдёт... Это и штурман не всякий поймёт...

— А дедушка Бутаков?

— Он-то? Адмирал! Наверняка. Очень кстати пойдём-ка к нему, он тебе всё разъяснит. Он, поди, сейчас солнце ловит.

— А какие часы самые верные, дядя?

— Чудак-человек! Солнечные часы показывают истинный полдень. А из всех солнечных часов потёмкинские часы, у Бутакова в саду, самые верные... Поди к мамаше, просись к мабуле Минне. Да руки мой хорошенько, с мылом. Погти ты не грыз? Пожаки-ка. Ну, ладно. Иди, просись. Очень кстати: и мне надо адмирала спросить: нет ли от Григория Ивановича резолюции: возьмёт меня из роты на «Владимира» иль нет?..

«Потёмкинские» солнечные часы стояли в саду при доме, где проживал адмирал Бутаков. Дом слыл в Николаеве под названием «муромцева». Про «муромцев дом» в Николаеве сасжились две легенды. Первая, что небольшой курганчик в саду «муромцева дома» — могила старшего русского богатыря

Ильи Муромца. Тут он хотел поднять «малую сумочку перемётную» с тягой земной — не осилил, не поднял, а сам ушёл в землю. Над ним насыпали курган. Вторая легенда таит в себе зёрнышко исторической истины. Будто бы так: с небольшого курганчика Потёмкин обозревал окрестности: степь, лиман и взморье, — когда решил тут основать город и главную базу Черноморского флота. Тогда на степном кургане стояла каменная баба. Потёмкин велел её убрать, а на её место поставил солнечные часы ввиде большого гранитного куба.

МАБУЛЯ МИНИ

В Николаеве говорили, что вице-адмирал Бутаков на «муромцевом доме» «держит свой флаг». Говорили так не без причины. Выйдя в отставку, Иван Николаевич первое время и на самом деле подымал в высокоотражественные дни адмиральский флаг на флагштоке, венчавшем бальведер «муромцева дома». На это смотрели из уважения к старику сквозь пальцы: он был не без причуд. Когда же начальником штаба Черноморского флота стал Корнилов, человек взыскательный и в малом и в большом, в службе щепетильный до чопорности, то он дружески и посовествовал Ивану Николаевичу не подымать на дому адмиральского флага.

— А какой же?

— Ну, трёхцветный флаг, торговый, какой все обыватели подымают в высокоотражественные дни...

— Над моим домом (Иван Николаевич чуть не сказал «кораблём») — торговый флаг? Ну-те-с, адмирал, оставь для прочих эти...

Иван Николаевич не нашёл подходящего слова, чтобы в нём выразить свой гнев.

На отношения адмиралов легла тень. Иван Николаевич, конечно, последовал «дружескому» совету Корнилова, но не стал подымать никакого флага, и в праздничные дни флагшток «муромцева дома» оставался, так сказать, голым.

Если верно, что вице-адмирал в отставке Бутаков держал флаг на «муромцевом доме», то и дом этот приходится считать как бы флагманским кораблём, но не адмирал командовал этим кораблём на суше, а его супруга. Она была десятком лет моложе Ивана Николаевича (адмиралу исполнилось семьдесят шесть).

За полвека жизни с женой Бутаков исчерпал весь запас ласковых слов. Чаще всего он звал жену «моя маленькая Миня», производя это имя от латинского слова *minima*¹, а не от имени Минна, что можно подумать. Матросы прозвали адмиральшу Миню, что тоже имело основание. Иногда адмирал сорился с «малюшкой Миней» и тут пущка в ход самые крепкие слова. «Ну, милая моя» — означало, что адмирал очень рассержен. «Матушка моя» — означало, что адмирал разгневан и что вслед за тем произойдёт взрыв. Миню взрывалась, не причина, впрочем, никому вреда.

¹ Самая маленькая.

Гроза, освежив атмосферу, проходила, и адмирал Бутаков, успокоенный, напевал самое им любимое из церковных песнопений:

«Житейское море,
Воздвигаемое зря
Напасти бурюю...»

Когда Штешок Макаров научился ходить, то скоро стал вхож на флагманский корабль «Дедушки»-адмирала. Ничипор, ведя Штешка в первый раз в «муромцев дом», наказывал:

— Глядя у меня! Дедушку себе мы нашли, теперь дело за бабушкой. Не бойся, если Мина взорвётся, беда нет: в крайности пойдём назад домой — и без бабушки проживём!

Однако сам Ничипор несколько боялся поворачивать на mine — и вёл Штешка на буксире к трапу флагманского корабля не без опаски: флагман-то звал в гости, а что скажет командор корабля?

Войдя через распахнутую настежь в сад кухонную дверь (знак плохой!), и нянька и Штешок услышали громкий разговор. Адмирал крупно говорил с «малюткой Мини». Штешок сразу уловил, что женский голос выстреливает через пятое в десятое всё одно и то же слово:

— Полли! Полли! Полли!

На это в ответ, подобно выстрелам из бомбической пушки, адмирал басом громыхал:

— Миааа моя! Не пыли! Железнов... Бум!

— «Не пыли»?!. А вы, господин адмирал, не палите из тяжёлого.

— Верно! — сказал Поступаев. — При обороте, в ручном бою, артиллерия молчит!

— Ну, матушка моя!.. Железнов... Бум!

— Полли!

Гроза приближалась. Голоса слышались ближе.

— Не в раз мы пришли: он палит, она пылит, в испуге прошептал нянька Ничипор. — Не робь, однако, хлопчик.

Ничипор выдвинул Штешка вперёд.

— Это ещё что?! — воскликнула «малютка Мини», войдя в кухню.

Из-за её спины выглядывал сконфуженный адмирал с секстантом в руке: он шёл ловить солнце в проблесках бурных облаков, и вдруг налетел на него этот страшный, прямо тропический тикхооканский икшвал!

— Бабушка, мабушка, мабуся, мабуля! — выкрикивал Штешок в слезах, протягивая к адмиральше руки.

Мина взорвалась — и всё было кончено.

— Как ты меня назвал? — спрашивала, весело улыбаясь, «малютка Мини», подхватив Штешка на руки.

— Бабушка! — ответила Штешок, целуя её в румяную щёку.

— А ещё? — «малютка Мини» недовольно помогала головой, подставляя другую щёку.

— Мабушка! Мабуся! — говорила Штешок, с каждым словом печатая пощелу. — Мабуля!

— Так и зови. Ну-ка, покажи руки. Почему руки грязные? Зачем ногти грызёшь? Хороша нянька!

— Он тебя боится, — шепнул Штешок. — Меня вперёд, а сам у меня за спиной спрятался...

— А ты не испугался?

— Ничуть. А ты меня как будешь звать? Меня дома зовут Штешок... А я Степан...

— Я буду тебя звать Панчик? Хочешь?

— Хочу.

Адмирал вышел в сад ловить солнце, напевая: «Житейское море, воздвигаемое зря...»

НА ПАСТИ

Сколько прошло времени с тех пор, когда Штешок в первый раз увидел мабулю Мини? Взрослые, тот же хотя бы Поступаев, могут ответить: примерно года три или меньше того; но для самого Степана первый визит и начало дружбы с семьёй Бутаковых таились в том отрезке жизни, когда человек ещё смутно угадывает разницу между вчера, нынче и завтра.

Поступаев терпеливо дождался, кура люльку у криницы, пока мать мыла с мылом руки Степана и ревниво хмурилась. Она надела ему чистую рубашку, причесала:

— Можешь убираться к своей мабуле. Поступаев, где ты захавался? Веди хлопца к Бутаковой!..

— Есть!

Теперь улицей можно идти бесстрашно: джунглей больше не существовало. В прошлом году — засушливым летом — кого-то угрозадно поджечь джунгли — сухие травы запылали. Городу из камня этот пожар не угрожал опасностью.

Джунглей нет. Нет там ни желтопузиков, ни змеи удава; спалённая земля пылит; через улицу от флигеля прапорщика Макарова открылся скучный вид на пожарное депо с каланчой и на другие постройки. Джунглей нет, и нет больше Штешка и няни Ничипора. Существуют Панчик Макаров и дядька Поступаев. Они шагают равноправно рядом и, предвкусная радость свидания с адмиральшей Миной, благодарный сын прапорщика Макарова спрашивает матроса исправительной роты Поступаева:

— Дядя Ничипор, что это, когда Мина взорвётся, дедушка поёт?..

— Что поёт?

— «Житейское море, воздвигаемое зря...»

— Непонятно? А очень просто, хлопеч (раньше он сказал бы «хлопчик»). «Житейское море» есть море жизни, «Воздвигаемое зря напасти бурюю». Напасть — это, бачишь, горе, болезнь и смерть. Буря напасти воздвигает море—волны до неба. Прелестно! И всё это зря! Чул?! Напрасно, зря буря напастей баломутит житейское море. Всё ни к чему. Человека, хлопеч, моряка тем больше, бурей не налугаешь. Никакие нам с тобой, хлопеч, нестрашны напасти. Хоть бы всемирный потоп и бураган. Всё зря! Чул?

— А откуда напасти?

— Со всех румбов — и не ждёшь, откуда вдруг икшвалом налетит напасть. «Свистать всех наверх!» «Рифы брать!» Прелестно!

Посильно философствуя, Степан и Поступаев незаметно дошли до «муромцева дома». Ярд издалеки их почула и зааала. Степан свистнул — Ярд кинулся им навстречу через раскрытую калитку и скакал вокруг, норовя лизнуть Степана в нос.

Поступаев угадал: как он и предполагал, адмирал стоял на курганчике, около «потёмкинских» часов, и секстантом ловил солнце, чтобы, узнав его высоту в данный момент, указываемый хронометром, точно идущим по

Почтальон на ходу сует Ярду в пасть письмо. Ярд несётся обратно...

времени Гринвича, определить долготу и широту флагманского корабля, то есть «муромцева дома», на котором адмирал в тайне сердца, вопреки Корнилову, всё же держал свой флаг. «Позвольте, что за несурица! — скажут нам, пожалуй. — Зачем определяться на суше: широта и долгота Николаева остаются всё одни и те же, с точностью до секунд они указаны в «Nautical Almanach».

Мы простим старому адмиралу его причуду, если вспомним тот гнев, с каким он рассказывал недавно «малютке Мии» о сплетне: будто бы Корнилов, узнав про привычку адмирала «определяться», сказал:

— Зачем? Ведь он стоит на мёртвом якорю!..
— На мёртвом якорю?!

Нет, такой воспитанный и тонкий человек, каким является Корнилов, не мог этого сказать. С п л а т н я, и адмиралу её не следовало передавать «малютке Мии».

В Николаевском порту, наравне со всяким другим большим портом, стоял на мёртвом якорю старый, обречённый на слом корабль. Опущенные стены придавали кораблю вид обезглавленного. Вдоль всего борта чёрными буквами написано: «Sailors Home».

«Дом моряков». Временный приют для моряков всех наций, почему-либо оставшихся в порту: или рассчитанных и списанных, или загулявших и опоздавших на корабль, или оставленных в госпитале и вышедших оттуда ожидать «попутного» домой. Сплетники знали, чем уязвить старого адмирала. Он говорил:

— В море — дома. Дома — на корабле. Ну-те-с! «На мёртвом якорю»? Так я никогда больше не принесу в ваш штаб на вывёрку своих хронометров!

Занятие отставного адмирала вовсе не было такой бессмыслицей. Он определялся не в пространстве, а во времени. «Поймав солнце», он вводит все поправки и точно ставит на гринвичское время свой

главный хронометр — у него их не один, и все идут.

Дав дедушке «поймать солнце» и записать, что надо, Панчик кидается к нему, и Поступаев, сняв шапку, приветствует адмирала. И в самый этот момент слышится далёкий лай собак и близится, напоминая шум ещё далёкого грозного тропического шквала. В облаке собачьего лая идёт почтальон! Ярд с радостным визгом кидается на улицу. Почтальон на ходу сует Ярду в пасть письмо. Ярд несётся обратно и, став на задние лапы, вручает письмо адмиралу.

Бутаков взглянул на адрес, задумчиво пощёвелил бровями и, словам сургучную печать, достал письмо. Лицо его озарилось и тревогой и радостью:

— Ещё напасть! Едет Полаи. Панчик, беги к мабуле, скажи: письмо от Полаи. Полаи едет!.. Однако сколь долго шло письмо? Где оно валялось?

Мабуля ахнула и всплеснула руками на извещении Панчика:

— Мабуля! Письмо от Полаи. Полаи едет...
— Полаи? Едет? Только этого не хватало. Всё пойдёт вверх дном!

Степан увидел, что мабуля Мии одинаково с адмиралом и рада известию и вместе с тем горестно изумлена. Значит, Поступаев прав только наполовину: не все письма приносят невзгоду, а бывают и такие, которые вызывают разом и радость и печаль, и горе и счастье пополам.

Вслед за вестником горя-радости в кухню вошёл адмирал; за ним Поступаев нёс шкапуку орехового дерева с уложенным в своё гнездо секстантом.

— Вот напасть! — улыгнулась грустно «малютка Мии». — Когда же едет Полаи?

— Да, милая моя, представь себе, письмо где-то задежалось, и надо ждать не завтра, так послезавтра...

— Хорошо ещё, что Григорий с «Владимира»

фом» у Тендры. Пошли на шлюпку, надо предупредить его...

— Это само собой, матушка моя...

Бум! — прозвучал где-то на яхвезд пешечный выстрел. В окне зазеленело стекло. И вслед за тем чуть-чуть послышался низкий, бычий гудок «Владимира».

— Григорий кончил стрельбу, «Владимир» возвращается,

— Тем лучше, малютка: не надо посылать курьера.

Ярд в саду лаем подал позывной сигнал. Степан выскочил в сад. У ворот стояла парная коляска. Ярд, радостно повизгивая, сидел в коляске рядом с юным матросом, может быть, кадетом старших классов, — этого Степан не мог решить. У моряка дорожная сумка на тонком ремешке через плечо; он не торопился покидать коляску и, поглаживая Ярда, ожидал, кто отзовется на его сигнал. Увидя Степана, молодой человек живо выпрыгнул из коляски и приветствовал Степана:

— Здорово, юнга! (Макаров уже носил безозырку). Бери, скотинка, чемодан!

Несколько сконфуженный таким обращением, Степок всё же не решился ослушаться и, схватив огромный чемодан (он оказался удивительно лёгким), побежал вслед моряку. Первым ворвался в дом с лаем Ярд, за ним бёжал моряк. Степан поостал (чемодан, хотя и лёгкий, бил его по ногам и волочился по песку дорожки). Опоздав, Степан не видел первого мгновения новой напасти, а что это «напасть», он не сомневался и, ставя чемодан на пол, услышал гневное восклицание мабули Мины:

— Пошли! Это что за маскарад? Сию минуту переодеваться!

Моряк чмокнул адмиральшу в губы и «откасторгал»:

— Есть «переодеваться сию минуту!» Только поцелуй дядю.

Моряк обвил шею Бутакова тонкими руками, чмокнув в губы, дёрнул за усы, повернулся к Поступаеву и после мгновенной задержки и его поцеловал также. Поступаев крикнул и вытер усы, как будто хватил станчик.

— А меня?! — обиженно спросил Степок.

— Тебя?! — протянула презрительно моряк. — Бери, скотинка, чемодан! За мной!

Степан схватил чемодан и поволок за моряком; они очутились втроем: моряк, мабуля Мины и Степок — в комнате рядом со спальней Бутаковых.

— Ставь чемодан! Закрой дверь! — командовал моряк. — Стаскивай сапоги, скотинка! — закончил распоряжения мальчишка, сев на стул и протягивая Степану ногу.

Мабуля Мины тихо смеялась, а, по расчёту Степана, ей пора бы уж взорваться. Как это она позволяет моряку волочить и звать его скотинкой? Не смея ослушаться,

Степан стянул с гостя сапоги.

— Держи ключ! Открой чемодан! Чего кашаешь? Живей!

Степан, став на колени, отомкнул и открыл чемодан. Там он с удивлением увидел что-то пыльное, светозелёное, из шёлка и золотые туфельки на высоких красных каблуках.

— Молодец, скотинка! А теперь пошёл вон! Дверь закрой... Эх, ты!

Степан вышел в коридор и остановился ошеломлённый: что это такое?!

«Вот напасть!» — единственное, что пришло Степану в голову, как он её ни ломал.

Дверь отворилась, и Степан увидел Полю в лёгком коротком платье, в золотых туфельках на красных каблуках. Весёлое лицо её обрамляли коротко подстриженные кудри.

— Молодец! Дождешься приказаний? Сейчас пойдёшь в штаб, снесёшь письмо лейтенанту Железнову, — говорила Поля, проходя, очевидно, хорошо знакомыми ей комнатами в кабинет адмирала.

Мабуля Мины с потемневшим лицом прошла молча в сад, наверное, за тем, чтобы поговорить о нападении и с адмиралом.

Степан последовал за Полей. Она села за стол адмирала, подложив на кресло толстый том «Альманаха», не глядя, достала бумагу и кювет из ящика — словно сидела дома за своим столом, — обмахнула перо в чернильницу, вытерла его о волосы и принялась бойко строчить, и улыбаясь, и хмурясь.

— Готово! — сказала Поля, погасив накапавший на конверт сургуч яшмовой печаткой адмирала. — Ступай...

— Так я не пойду.

— А как же ты пойдёшь?

— Я кто: почтальон?

— Ну, конечно.

— У почтальона что: кивер и шпаба.

— Ага! — Ни мгновения не задумываясь, Поля схватила со стола газету, сложила её на угол раз и два, отвернула края — получилось каким-то чудом нечто вроде треуголки. Нахлобучив её на голову Степана вместо матроской шапки, Поля сняла с ковра на стене короткую абордажную саблю.

— Настоящий почтальон! — заметила Поля, сдвигая кивер на голове Степана немного набок.

Степан вышел из кабинета с дорожной сумкой Поля (в ней письмо) через одно плечо, с саблей — через другое. В передней почтальон захватил (на собак) кизиловый посошок адмирала и, выйдя в сад, направился к калитке.

Он важно шагал по улице, замирая от ожидания, что сейчас во всём квартале собаки поднимут лай и так он дойдёт до самого штаба в облаке собачьего гама. И что же? Ни одна собака не залаяла, и никто по пути Степана не вышел за ворота спросить: «А нам нет письма?»

Железнова почтальон увидел на выходе из штаба. Он шёл рядом с адмиралом Корниловым. Они о чём-то оживлённо говорили...

— Вам письмо! — сказал Степан, прегражая Железнову дорогу.

— Письмо? От кого? — спросил Железнов, остановившись.

— От Поля.

— А мне нет письма? — спросил Корнилов.
— Вам пишут! — небрежно ответила почтальон.

Корнилов простился с Железным, Лейтенант вскрыл пакет и пробежал письмо. Лицо Железова омрачилось:

— Ступай за мной. Отнесёшь ответ.

Железов повернул обратно, и почтальон вошёл вслед за ним в дверь штаба.

Подойдя к самому столу, Степан, не отрываясь, следил, глядя то на его лицо, то на бумагу, за тем, как пишет, довольнo улыбаясь, Железов. Что-то в лейтенанте не нравилось почтальону.

Железов что-то пробормотал, потом вдруг перестал писать, изорвал на клочки письмо и начал другое, то и дело мокая перо в чернильницу. Остановился, положил перо.

— То-то! — с упрёком заметил Степан. — З думался! А она писала, не думала.

— Она вообще не думает. Неспособна думать. Не умеет, — Железов вздохнул. — Ты писать, пооди, ещё не умеешь? Ну, конечно. Писем не получаю? А хочешь получить?

— Ешё как хочю-то!

— Зачем? *

— От письма одно горе...

Железов рассмеялся:

— А! Ты ещё горя не видел? «Ст писем одно горе» — верно, Мысль мудрая. Кто это сказал? Она?

— Я сам выдумал...

— Неужели? Молодец! Я тебе как-нибудь напишу письмо.
— Только долго не думай, а то не напишешь.

— Что тут долго думать! — тряхнув головой, Железов изорвал вторично начатое, написал быстро, всего несколько слов, сложил листок и вручил почтальону.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

В кухне (следовало бы сказать в камбузе, раз речь идёт о корабле) работали авралом, готовя ося особенный обед, мабула Мини, адмирал и Поступаев — все трое в кухонных белых фартуках и белых поварахских колпаках...

Ярд стоял перед Полли на задних лапках. Она брала из горсти по изюминке, одну кидала Ярду (он чавкал), вторую — себе в рот (не чавкала). Видно, что Ярд уже устал стоять на задних лапках, но мучительница строго прикрикивала: «Но, но!», — лишь пёс пытался стая на четвереньки.

— Вам письмо! — торжественно возгласил Панчик.

Работы разом оборвались. Адмирал перестал крутить кофейницу, Поступаев — толочь в ступке цедр, ваниль и перец, адмиральша — тереть сухари. Взоры всех устремились в молчании к Полли. Она поспешно высыпала перед Ярдом на пол весь изюм из горсти и схватила листок.

Ярд улёгся и продолжал неспеша смаковать изюм по ягодке.

У Полли побелели губы, а лицо вспыхнуло румянцем. Панчику представлялся ещё один

случай проверить то, что говорил о письмах Поступаев: радость и печаль, восторг и горе прочитал бы он на лице Полли, если бы уже умел читать по лицам.

Полли расхохоталась и, вскочив, швырнула записку в огонь. Бумага вспыхнула и улете- ла чёрной бабочкой в трубу.

— Значит, верно? — сказала Бутакова.

И все, кроме Панчика, поняли, что в записке заключалось подтверждение чего-то очень важного. Адмирал яростно закурил кофейницу, Поступаев зазвонил в ступке пестом, Мина взорвалась — и под сокрушительным давлением скалки сухари мгновенно обратились в прах.

— Плохой ты почтальон, скотинка, — улыба- нулась Полли, вытерев глаза платочком, — отдал письмо, не прочитав адреса. Письмо-то ведь не мне, а тебе!..

— Мне? А ты согляла... Зачем?

— А вот и заете: надо учить вашего брата исполнять службу. Другой раз будешь умнее. Вот теперь никто и не узнает, что писал тебе Железов.

Панчик заплакал.

— Оце бисова дивчина, всех замучила! — проворчал Поступаев, любуясь девушкой. — Не баба, а сам чорт!

— Я устал, — сказала адмирал. — Полно пла- кать, Степан, покрути-ка мельницу.

Панчик начал крутить мельницу, зажатую у адмирала меж колен.

— Не плачь! Мало ли ты ещё получишь пи- сем, — утешал ребёнка Бутаков. — Придёт время, и я тебе напишу и мабула...

— Я не о письме, а зачем она меня скотин- кой зовёт...

— И на это не надо обижаться. Это в мор- ском корпусе так «старикашки» младших кадетов зовут. А Полли, хоть в корпусе ей не бывать, воображает, что она совсем гардема- рин.

— Ревёшь, скотинка, — увещевала мальчи- ка и Полли, — а сам виноват. Хорош почтал- он! Вот теперь никто и не узнает, что нача- лась война, что завтра Корнилов пойдёт на «Владимире» в Севастополь и все три эскадры выйдут в море. И я пойду с Гришей на «Вла- димире»!

— Ах! — всплеснула руками Мабула.

— Если он тебя возьмёт, в чём сомнева- юсь, — заметил Бутаков.

Ярд наворстил уши, лайнул и выбежал оп- ретью вон, забыв об изюме.

— Григорий идёт! — уверенно сказал адми- рал.

— Гриша! — воскликнула Полли. — Вот мы его самого спросим: возьмёт он меня или нет? Она вихрем понеслась вслед Ярду.

— А меня Григорий Иванович возьмёт, ва- ше превосходительство? — робко спросил Поступаев.

— Да ведь ты неисправимый, Никифор, опять начнёшь ня баке «не те» сказки сказа- вать. Война, Никифор, — сказкам да побас- кам конец.

— П е р в о е — то, что я теперь уж нау- чен и буду «те» сказки говорить. А в т о р о е — раз я неисправимый, чем мне маяться аре-

стантом, пусть меня на войне убьёт — и с костей долой... Сделайте милость, походите-тай-свуйте ещё, Иван Николаевич.

— Ну-те-с, скажу ещё Григорию.

— И про меня скажи, дедушка. Я тоже пойду на «Владимире». А Полаи чтобы не брал. «Скотинка!» Ха!

— Её-то уж наверняка не возьмёт. Крути хорошенько!

Ярд вернулся и опять принялся лакомиться своим изюмом.

— Где же они? — спросила адмиральша и, озабоченная, вышла из камбуза (точнее из кухни) в сад. Она увидела, что Гриша и Полаи стоят у «потёмкинских» часов, взяв их за руки. Гриша сияет и о чём-то молит взором Полаи. У Полаи сердитое лицо. Подходя, мабуля Мини (она подходить неспеша) услышала твёрдо сказанные слова Полаи:

— Нет, Гриша! Никогда... Ни за что!

Руки их распались сами собой, Молча все трое они прошли в камбуз (кухню), и тут адмиральша спросила:

— Что ответил Панчику Железнов: придёт он по твоему у приглашению обедать?

— Надеюсь, что да.

— Мини, милая моя! — нахмурился адмирал.

— Быть может, ты пригласила и Корнилова?

— Матушка моя! — воскликнул адмирал.

— Нет, — ответила Полаи, — но всё равно будем накравать на шесть кувертов: я приглашаю обедать моего милого почталёна.

Перед обедом дамы и мужчины разошлись по разным комнатам, Степан остался в кухне с Поступаевым и, боясь, что его забудут и не позовут обедать, говорил ему:

— Мы с тобой на кухне поедим — нам всего дадут: хрену с сахаром, белой подливки к супу, кашу, мороженого..

— Нет, уж шабаш, хлопцев! Ты будешь с господами обедать. Небось, тебя не забудут. А я за столом буду служить: гляди, какие мне Мина перчатки дала! Чуд! Прелестно!

Поступаев стал натягивать на руки белые нитяные лакейские перчатки.

Наступил час обеда. Вчетвером: мабуля Мини, Поступаев, Полаи и Панчик — накрывали в столовой круглый стол разом и для закуски и для обеда на шесть персон. Панчик раза три спросил:

— А я где буду сидеть?

— Где хозяйка велит, там и будешь, — небрежно ответила Полаи.

Только одно место особенно отметили — серебряной чаркой. Панчик догадался, что это место дедушки, и умилённо просил:

— Мабуля, я буду против дедушки сидеть и всё буду делать по-егой..

— Пусть так, — согласилась мабуля.

— Только мне будет низко сидеть, ничего не видно.

Панчик примерился, сев на стул, — нос его прищёлся в уровень стола. Тогда Полаи принесла из библиотеки

три толстых фолианта и положила на стул. Взгромоздясь на этот пьедестал, Панчик счёл, что занял достаточно высокое положение, и, решив для достояния не сидеть больше с места, заявил:

— Теперь можно обедать.

ЗАСТОЛЬНЫЙ ОРАТОР

Мабуля Мини сказала, что она и Полаи идут одеваться. В столовой остались только Поступаев и Панчик. Из соседнего кабинета слышался оживлённый говор: там адмирал о чём-то спорил с сыном и Железновым.

— Ваше благородие, — обратился Поступаев к Панчику, — дозвоьте для храбрости хлопнуть стаканчик.

— Хлопни!

Матрос налил большой стакан из графина с тёмножёлтым вином, «хлопнул» и похвалял:

— Добрый хересок!

В столовую явились одетые парадно адмиральша и Полаи, Поступаев в белых перчатках, открыв дверь в кабинет, торжественно возвестил:

— Кушать подано!

Вошли мужчины, продолжая спорить, и заняли указанные хозяйкой места. Напротив Панчика — он угадал верно — занял своё место адмирал; по правую руку от него — Григорий Иванович, по левую — Железнов. Панчик оказался между дамами: адмиральшей — слева и Полаи — справа.

Обед начался.

— Горькой? — спросил адмирал Григория и Железнова и, налив им обоим по рюмке английской горькой, наполнил из того же графина свою серебряную чарку. Поступаев с бутылкой в руке наклонился почтительно к Полаи:

— Прикажете хересу?

Полаи отказалась:

— Нет, я выпью тоже горькой, — и сама налила себе самую маленькую рюмочку.

Поступаев, обходя круг, также склонился и перед Панчиком и спросил:

— Прикажете хересу?

— Нет, мне тоже горькой, — ответил Степок, пододвигая Полаи самую большую, сразу им облюбованную изумрудную, на тонкой белой ножке рюмку.

Все рассмеялись.

— Недурно для начала! — заметил Железнов.

— Сначала по маленькой! — Полаи налила Степану чуть-чуть в такой же, как и себе, наперсток.

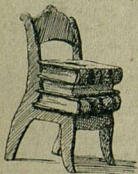
— По маленькой! — адмирал поднял чарку.

— Хлопнем! — ответил Степок.

Все опять засмеялись, «хлопнули» и закусили. Мабуля Мини вылила хересу. Степок храбро хлебнул из своего наперстка. Водка обожгла ему язык. Он схватил сложенную пестушкой салфетку и вытер, высунув язык.

— Надо закусить! — посоветовала Полаи. Степан решительно подвинул к себе соейник и положила на свой тарелку полную ложку хрену со сметаной и сахаром.

Чинно начавшись, обед постепенно делался шумным, и скоро о Степане все забыли, предоставив ему «управляться по способности, выражаясь морским языком.

Моряки — все трое — много пили, и разговор их делался всё шумнее. Спор шёл о будущем флота, о том, какой надо России строить флот — паровой или парусный, — и какие закладывать корабли — железные или деревянные, — и если паровые, то винтовые или колёсные, и надо ли пароходы вооружать и парусами.

Адмирал стоял за парусный флот, а парусный флот, конечно, деревянный, а не железный.

Григорий Бутаков решительно высказывался за флот паровой, железный, винтовой и совсем без парусов.

Железнов говорил ни то, ни сё, пытаюсь примирить крайние мнения Бутаковых: оба они, и старый и молодой, так горячились, что это сделалось похожем на ссору.

Адъютант Корнилова говорил, что у парусного и парового кораблей есть свои хорошие и плохие свойства. Пароход не зависит от ветра, но больше привязан к берегу. Ветер дует всюду, а пароход должен везти с собой запас движущей силы в виде топлива. А потому лучше и пароходы вооружать парусами.

Между тем как шёл этот спор, шёл непрерывным потоком и обед, так, по крайней мере, казалось Степшу. А на самом деле за спором моряки забывали кушать, а иной раз и Поступаев забывал подавать и заставлял недвижимо около стола со стойкой тарелок.

Дамы не участвовали в споре, но у них, что не преминул отметить в уме Степан, шёл свой разговор с мужчинами — слова говорили одно, а взгляды и улыбки — что-то другое. Вот дедушка повернулся в сторону Железнова и бранит его, да, прямо бранит за то, что он говорит «серёдка на половину». В это время Григорий Бутаков перекидывается улыбками и словами с Полии. Он взором её о чём-то молит. Она гневною взглядом и надменной улыбкой отвечает: «Нет, никогда, ни за что», — а словами по-детски просит:

— Миленский, Гриша, возьми меня на «Владимир!». Добрый, хороший, родной, дорогой, возьми!

И Григорий Бутаков с той же мольбой смотрит в глаза Полии и твёрдо отвечает строгой и нахмуренными словами:

— Полии, ты сама знаешь, что просьба твоя вздорная. Маскарад не поможет. Все тебя знают — и Корнилов... Да если бы и он согласился, я не возьму, ведь будут бои... Подвергать тебя опасности? Нет, никогда, ни за что! — Гриша!

Глаза Григория загораются шаловливо:

— Правда, у меня на корабле не комплект: сегодня списал одного комендора на берег... Пожаау, я возьму...

— Радость моя!

— Никифора Поступаева...

— Покорнейше благодарим, ваше высококопание! — выкрикнул Поступаев, поставил на стол стопку грязных тарелок и проворно убежал на носках в камбуз (на кухню).

Адмирал повернулся к сыну:

— А вам, сударь, скажу. За что вам в прошлую кампанию объявлена благодарность? Забыли? А я помню. За что Корнилов назначил ваш корабль «репетичным»? Ну-те-с? За то, что вы держались на парусах в эволюциях

эскадры, без малейшего содействия паров. Ну-те-с! Михаил Петрович! взвыл в гробу, узнав об этом, а от того, что вы, сударь, нынче говорите, Михаил Петрович в гробу перевернётся.

— Батюшка, — возражает спокойно Григорий, — всё, что вы говорите и почему говорите, мне понятно. Ведь ещё три года тому назад все английская печать серьёзно обсуждала, будут ли плавать железные корабли. Ведь железо тонет в воде!

— А железный ковшик в ведре плавать! — внезапно и громко выкрикнул Степан.

Григорий захохотал:

— Вот! Вот кого бы я с радостью взял на корабль! — протянув обе руки к Степану, говорил Григорий. — Взял бы, будь он постарше. Скоро младенцы все поймают, чего не можете понять вы, старики...

И все смеялись, обратясь к Степану, а Железнов даже похлопал в ладони:

— Браво, браво!

— Хлопнем! — сказала Полии, наливая себе и Панчику чего-то красного и густого. — Не бойся — это очень сладко.

— Хлопнем, — согласился Степш, подымая узенькую, тонкую рюмку, — я ещё скажу!

— Погоди! Ты скажешь речь, когда откроют кларет. Займись-ка мороженым!

Поступаев внёс два канделябра с зажжёнными стеариновыми американскими свечами, по пять свечей в каждом.

— На дворе ночь, а мы всё бражничаем, — проворчал он, поджигая от одной из свечей пороховую нитку к люстре.

Подняв голову, Степш следил за быстрым огоньком, побежавшим по ниткам. Робко зажигались и разгорались одна за другой свечи в люстре — числом шесть.

Хлопнула пробка и полетела в потолок. Поступаев неспеша разлил вино.

— Теперь послушаем обещанную речь, — улыбаясь Степану, говорил адмирал. — Ну-те-с! Мы слушаем.

Все смотрели на Панчика, держа в руке бокалы.

— Только покороче и поскорее! — поощрила оратора Полии.

— Я скажу!

Если бы Полии не торопила оратора, не подтолкнула его, он начал бы легко и плавно бы лаясь его речь, у него было что сказать. Но тут неодолимая сила связала его. У него легонько свело судорогой коленки.

— Я скажу!..

— Скажи! — поощрила Полии.

— Я воспет!

Громовый взрыв хохота был наградой оратору. Все с ним чокались.

Пир кончился.

В полной тьме Степш вёл Поступаева за руку домой, предупреждая:

¹ Адмирал Лазарев.

— Тут камень, а тут ямка, сейчас будет кавава.

— Чего ты меня предупреждаешь! Я сам прелестьно вижу. Я пьян, чи ни?! — громко кричал матрос, высоко подымая ногу, чтобы перешагнуть небывалый камень. — Я же сегодня дуже счастливый человек!..

— А меня тебе не жалко? Сам в море идёшь, а меня на берегу кинул!

— Что мне тебя жалеть? Ты теперь и без меня не пропадёшь. Я тебе дал направление! С адмиралами пируем. За адмиральским столом обедаем!..

— А ты, дядя, не обедал?

— Я всё время обедал, сыт, пьян и нос в табаке. Ура!

Привлечённые громким говором Никифора, за ними, лая, увязались бродячие псы. К их лаю присоединились дворовые. И так они шли в облаке лая, к великому удовольствию Степана.

— Кто идёт? — донёсся откуда-то издали, чуть слышно сквозь собачий гам, испуганный окрик: должно быть, у пожарного депо очнулся от сладких грёз будочник.

— Кто идёт?

— Время идёт! — звонок крикнул в ту сторону Панчик.

— До чего же я счастливый! — говорил Поступаев. — От роты изъят, из дядек его благородия Степана Макарова разжалован в матросы действующего флота. Буду нянчить бомбическую пушку. То ли дело!

* * *

Вечером другого дня «Владимир» поднял якорь и ушёл в море.

Проводив взором пароход, пока он не скрылся за Русским мысом, Бутаковы под руку пошли домой, а Полаи и Степан сели рядом на скамью; оба они обливались слезами. Тесно прижимаясь к девушке, Степан её утешал:

— Лучше бы Григорий Иванович тебя на корабль взял! Ни ты бы, ни я бы не плакали. Просиался бы лучше у Железнова, он бы тебя к пушке приставил!..

Полаи сквозь слёзы рассмеялась:

— До чего же ты ещё глуп, скотинка: ничегошеньки не понимаешь!..

— А ты растолкуй, я, может, и пойму.

— На словах этого не скажешь. Я лучше напишу тебе письмо!

— Письмо?! — у Степана сразу высохли слёзы, но он нахмурился и запел на голос девушки Бутакова:

— «Житёйское море, воздвигаемое зря написти бурю!»

БОЙ «ВЛАДИМИРА»

Григорий Иванович писал отцу подробно о плавании «Владимира». Письма эти почти полностью воспроизводили записи в шканечном журнале парохода-фрегата и отличались только некоторыми замечаниями о таких вещах, которым нет места в таком важном, поистине историческом документе, каким является шканечный журнал корабля.

Почерк у Григория Ивановича был такой замесловатый, что его трудно разбирать в штабе и что даже вынудили покойного адмирала Лазарева отдать по Черноморскому

флоту приказ о внимании к разборчивости в письме.

Родителям Григорий Иванович писал, ещё меньше заботясь о каллиграфии: он знал, что письма его читаются вслух матерью, а для неё не было загадок в затейливой вязи почерка Гриши. «Малютка Мини» читала адмиралу письма сына бойко и связно, без запинки, влетая очень искусно в текст письма свои собственные замечания так, что Иван Николаевич иногда дивился смелости суждений сына.

«Наша эскадра, — читала Бутакова, — под флагом вице-адмирала Корнилова отправилась 29 октября из Одессы искать турецкий флот, — он, по слухам, вышел в Чёрное море. 3 ноября в 40 милях от мыса Киниакра Владимир Алексеевич прислал ко мне на «Владимир» Железнова с приказанием осмотреть рейды Коварны и Варны — Бургасский залив.

Кончив своё дело, то есть убедившись, что в Варне нет военных судов, пустили машину полным ходом и пошли уведомить эскадру установленным сигналом, что турок в море нет.

Вице-адмирал Корнилов, сдав эскадру Новосильцеву, пересел, взяв с собой и Железнова, на «Владимир». (Нельзя сказать, чтобы это было очень приятно!)

— Неужто Григорий так и написал? — изумлённо пошевелив бровями, спросил Иван Николаевич. — Ну-те-с?!

— «И пошел, — продолжала, не останавливаясь, мабуля Мини, — к мысу Керемпе, навестить эскадру Нахимова». На рассвете 5-го с «Владимира» увидели впереди азиатский берег, вправо на горизонте эскадру, похожую на эскадру Нахимова, а в левой руке на горизонте дым парохода.

Положив право на борт, я пошёл доложить Корнилову. Он вышел наверх и заключил, что эскадра Нахимова, а пароход, преследуемый нами, — «Бессарабия», посланный Нахимовым зачем-либо в Севастополь» (Попап пальцем в небеса!).

— Мини, матушка моя?

— Что, мой ангел?

— Так и написано, ну-те-с?

— «По-пап пальцем в не-бе-са», — по складам повторила мабуся Мини, постукивая правым мизинцем по строке письма, а глазами забегая вперёд, — сказал бы милая мама — она так любит русские поговорки!..

— Ах, так! Ну-те-с, дальше..

— «Корнилов приказал повернуть к эскадре, видимой на горизонте, справа её за нахимовскую. (Вот бы влопался!) Железнов присоединился к мнению Корнилова Я упросил адмирала продолжать погоню до 9 часов — уже видны были мачты и рея. Открылись кожина парохода — и мы, наконец, увидели, что пароход чужой. Это тем более сделалось ясно, что он вдруг переменял курс вправо, потом влево, то есть засуетился, увидев, наконец, что к нему идёт не с в о й, а увидев это ранее он не мог, потому что наш антрацит — вещь самая военная: дыму нет!

В исходе 10-го я спросил пароход, кто он. На опознавательный сигнал не было ответа. Я поднял флаг при звуке барабанов и горнов

и пустил ядро перед нос парохода. Он поднял турецкий флаг, принимая вызов на бой, я ответил выстрелом. Завязалась по сближении перестрелка. Третьим выстрелом с «Владимира» сбит турецкий флаг с флагштоком. Наши обрадовались и давай кричать «ура» (Ура! Ура! Ура!..)

— Мини, матушка моя!!

— Но тур-ки очень скоро под-ня-ли дру-гой флаг на га-фе-ль и, нисколько не прекра-чая огня, продолжили усиленно бежать. Ядра их были дувно направлены: все перелетали через «Владимира». Увидев, что мой противник не имеет носовой и кормовой обороны, я направил два 68-фунтовые орудия по направлению своего бушприта и стал держать противнику в кильватер. Когда же он пытался принять поперёк моего курса, чтобы навести свои бортовые орудия, я уклонялся в ту же сторону и громил его орудиями своего борта. Мы видели, что «владимирские» ядра и бомбы производили страшное разрушение в корпусе, рангоуте, такелаже и дымовой трубе нашего отчаянного противника; шапки его были избиты, и сброшенные обломки проглыбли мимо нас. Неустрашимый капитан — я его всё время видел на мостике — упрямо поворачивал пароход свой, чтобы пустить несколько плохих ядер. Время между тем шло. Корнилов с Железновым оставались наверху, но адмирал не мешался в мои распоряжения. (Ещё бы он посмел!) «Но, наконец, спросил меня раздражённым тоном: «Однако же, скоро мы с ним кончим?» Я был уверен, что мы возьмём противника без потерь и урона у себя, и в сердцах ответил: «Если вам, господин адмирал, угодно, — хоть сию минуту!» «Разумеется, угодно!» Я скомандовал в машину: «Полный! С добавителем!» Мы сблизились на картечный выстрел. «Картечь!» Адский дождь наших картечей посыпался на стиптан, и треск, производимый ими, был внятно слышен. Но и неустрашимый противник не унывал и отвечал тоже картечью и этим снарядам действовал гораздо удачнее нежели ядрами. Через несколько секунд картечью, пролетевшей между мной и адмиралом, убило напав на лейтенанта Железнова в грудь набыдет. (Бедная Пола! Она этого не перенесёт! Не знаю, как вы ей и скажете!).

Мабуля остановилась, чтобы вытереть глаза платочком, аккуратно сложенным на уголочек. — Ну-те-с, ну-те-с! — нетерпеливо требовал адмирал; он зарумянился, взволнованный описанием боя.

— «Под ногами моими упал, простреленный в голову, горнист. У носовой пушки тяжело ранило комендора Поступаева». (Вот будет горе Панчику!) «Поступаев умер от раны. В это же время упал на площадке гонимого парохода, простреленный в бок, капитан его, но опять вскоре поднялся и опять упал, пораженный вторично. Его унесли, а вслед за тем опрокинуло нашим ядром площадку, на которой он так храбро распорядился. Я угловорил Корнилова сойти вниз. Ещё несколько ядер с расстояния меньше кабельтова, и неприятельский огонь прекратился, и вслед за тем — и наш. Машины остановились, и вышедший на ют турки старый лоцман спустил свой флаг при восторженных «ура» нашей команды. Посланные овладеть призом, нашли на нём страшную картину разрушения и гибели: обломки штурвала, компасов, люков, рангоута и перебитые снасти, перемешанные с ружьями, трупами, кровью раненых и каменным углем. Дека, колёсные кожуха, будки избиты. Паровая дымовая труба — решето. Как живуч пароход! Ни одна бомба, ни одно ядро не попали в машину: её предохранили угольные ящики по бортам. И гребные колёса целы, и машина и колёса годились к делу.

Когда на пленном пароходе подняли наш флаг, я закричал команде: «Ребята, там поднимают русский флаг!» Надо было слышать, каким раскатистым «ура» ответили мне матросы. «Поздравляю с победой!» Новое «ура».

Мы повели пароход на буксире в Севастополь. 7 ноября «Владимир» вошёл на севастопольский рейд, ведя «Перваз-Бахри» с русским флагом, поднятым над турецким. Погода была прекрасная, и стечение народа огромное: всем хотелось поближе рассмотреть избитый и исковерканный пленный пароход, который так отчаянно защищался.

«Перваз-Бахри» поставлен в док на починку. Его переименовали в «Корнилов». (А следовало бы назвать «Григорий Бутаков», — продолжала читать мабуля Мини.)

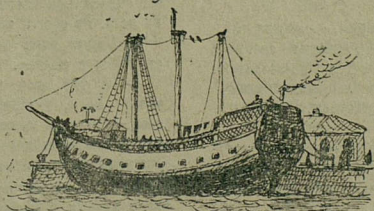
— Матушка моя! — в гневе воскликнул адмирал. — Ну-те, сударыня, подайте сюда письмо, я прочту его своими глазами.

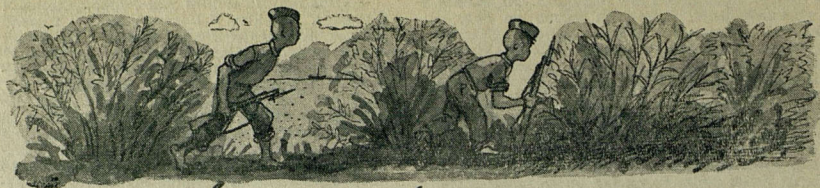
Бутаков принялся читать письмо сначала — это было так трудно, что у адмирала стало покалывать в ногах, словно он шёл в мягких сапогах по берегу, усыпанному гравием из осколков раковин, едва окатанных волной.

Мабуля Мини, грустно улыбаясь, пробормотала:

— Кажется, я переложила перцу!

(Продолжение следует.)

На берегу большого озера

Полковник Н. Баканов

Я сидел на берегу озера. Солнце уходило за горизонт. Я уже собирался возвращаться в деревню, но в это время услышал сади шорох. Среди ветвей тальника появился мальчик лет тринадцати. Стараясь не обнаружить себя, он внимательно наблюдал за мной.

— Ну что? Всё сидит? — услышала я шопот.

— Сидит, — недовольно ответил первый.

— Может быть, отложим до завтра? — снова услышала я шопот.

— Нет, к утру нужно обязательно всё закончить. Стемнеет — и начнём работать.

Чтобы не мешать ребятам, я поспешил уйти домой.

Утром я снова отправился на озеро — мне хотелось посмотреть, над чем ночью трудились ребята. В кустах сидел мальчик. Держа в одной руке самодельную винтовку, а в другой деревянную трещотку, он спал, усталый от ночной работы.

— А почему ты здесь спишь? — спросил я, дотрагиваясь до него рукой.

Мальчик быстро вскопчил. Испуганными глазами посмотрел он на меня и, вращая трещотку, застучал, точно из пулемёта. Кусты зашевелились. Через две—три минуты я был окружён ребятами с самодельными винтовками в руках.

— Нельзя сюда! — закричали они.

Я молча сел и закурил.

— Командир, — шептал длинный, худой, лет четырнадцати, толкая локтем товарища, — смотри какой, с орденом!

— Садитесь, ребята, поговорим, — сказал я.

— Нечего нам садиться, — ответил за всех длинный и, сделав шаг вперёд, по-солдатски оперся на винтовку. — Вы зачем сюда пришли?

— Я знаю, вы всю ночь работали. Что же вы делали?

— Не вы одни хотите знать, — сердито ответил длинный. — Только мы никому не скажем.

— Не скажем, — подтвердили мальчики.

Но я уже по голосам чувствовал, что ребята непрячя рассказать мне о результатах своей ноч-

ной работы. Курносый мальчик с чёрными бойкими глазами отвёл в сторону длинного парня и стал с жаром ему говорить:

— Командир ведь он. Может нам помочь, и мы ещё лучше всё сделаем. А чтобы тем не рассказали, мы возьмём с него честное слово. Ну, Миша, ладно?..

— погоди, без тебя разберёмся, — сказал Миша и, важно подойдя ко мне, спросил:

— Откуда вы, товарищ командир?

Я рассказал ребятам, что приехал в отпуск в соседнюю деревню; озеро это очень люблю. Я здесь провёл свои детские годы.

— Ну тогда другое дело, — сказал Миша. — Дайте нам слово, что никому не расскажете о том, что увидите здесь.

Я обещал хранить тайну. Меня повели на небольшую высотку, скрытую узкой полоской кустарника. У полножья высоты всюду виднелись маленькие, искусно замаскированные окопчики.

— Вот окопчик Васи, — сказал Миша. — Смотрите, как хорошо он его устроил. Совсем рядом к нему подойдёшь, а ничего не видно.

Вася отрыл себе стрелковую ячейку для стрельбы лёжа.

— Куда же ты стрелять будешь? — спросил я мальчика.

— Как куда! — удивился Вася. — Мне Миша приказал приготовиться для стрельбы так, чтобы справа просматривать озеро, а слева — опушку леса. Из окопа мне всё хорошо видно.

У Миши окоп был вырыт поглубже — для стрельбы с колена.

— А тут окоп нашего командира, Вити, — сказал Вася, указывая на ячейку для стрельбы стоя. — Виктор может отсюда незаметно перейти на другое место и даже в большой окоп, который мы вырыли на высотке.

Я внимательно осмотрел ячейку Виктора. От этой ячейки к небольшой лощине был прорыт узкий ход сообщения длиной в два метра. По-

этому ходу можно было незаметно уйти за высоту и вернуться обратно.

Перед стрелковыми окопами у ребят установлены проволочные препятствия. На врытых в землю колях кое-где натянута гладкая проволока, а там, где её не хватило, просто шпагат.

— Нет у нас колючей проволоки, — с сожалением сказал Миша.

Проволочные заграждения на местности были расположены очень удачно. Они на всех участках просматривались из окопов.

— Кто у вас руководит работами? — спросил я.
— Виктор Болотников. У него папа — командир. Витя каждый год выезжал с ним в лагерь и многому там научился. Сейчас его папа боеует. И когда Витя написал ему про то, что мы задумали, то он прислал нам в помощь чертежи.

К нам подошёл мальчик с большими голубыми глазами. Это и был Витя Болотников. Он рассказал, что война застала его в городе Молодечно, где папа служил в стрелковом полку.

— В первый же день войны папа отъезжал на вокзал и мы сели в поезд. Там были только женщины и дети. Не успел наш поезд уйти от станции, как налетели немецкие самолёты. Мы выскочили из вагонов, и немцы стали нас бомбить и расстреливать из пулемётов. Много ребят и женщин погибло. И маму немцы убили. С тех пор я и учу ребят воевать. Вырастут — ответят немцам и за маму и за всех, кого убили...

— Миша, собирай ребят в столовую, — вдруг распорядился Витя. — Пора! А сюда вернёмся после обеда.

Ребята ушли. Мы сели на бруствер окопа. Солнце стояло уже высоко. С высоты мы видели залитое солнечным светом озеро.

— А вы в крепости были? — спросил меня Витя.

— Нет ещё.

— Ну, значит, самого главного не видели. Пойдёмте, я покажу.

По дороге мальчик рассказал мне, как начал его отряд свою интересную работу.

— Наш пионерский лагерь здесь, в лесу. Лето мы проведём на берегу этого озера. Вожатый нашего отряда, Саша, задумал хорошую игру. Весь отряд он разделил пополам. В каждую часть назначил командира. Этой группой я командую, а другой — Яша Иванов.

— А как вы будете играть?

— Могу рассказать. Игрой руководит вожатый. В назначенный день отряд Яши Иванова начнёт наступать, мы же будем обороняться. Задача наступающих — пробраться в нашу крепость, разрушить её и захватить боевое знамя. На другой день наступать уже будем мы; отряд

противника займётся обороной. Наш руководитель подведёт итоги и скажет, кто победитель.

— Да ведь нужно разработать правила игры, иначе у вас всё время будут возникать споры, — сказал я. — А как вы установите, кто победит?

— Правила у нас есть, товарищ командир. Вот некоторые из них: в плен боец не сдаётся, а если это так случилось и потом он сумел убежать обратно к своим, то оружие ему всё равно не выдавать, а использовать его на различных работах. Другое правило — если несколько ребят незаметно пробрались в тыл «противника», то они считаются победителями лишь в том случае, когда обобщённых меньше. На пулемёт должно наступать не меньше пяти человек и бежать к нему только в том случае, если молчит трещотка. Это основные правила. Драться нельзя, но сопротивляться обязательно нужно: вырваться, убежать, унося с собой оружие. Во время игры на каждой стороне будет работать посредник. Он на месте разрешает все споры, его слово — закон и для «красных» и для «синих».

Потом мы с Витей осмотрели крепость. Ребята здесь вырыли круговую траншею. В центре круга находилось глубокое убежище, обложенное дёрном. Там стояло знамя, у которого дежурил мальчик с винтовкой.

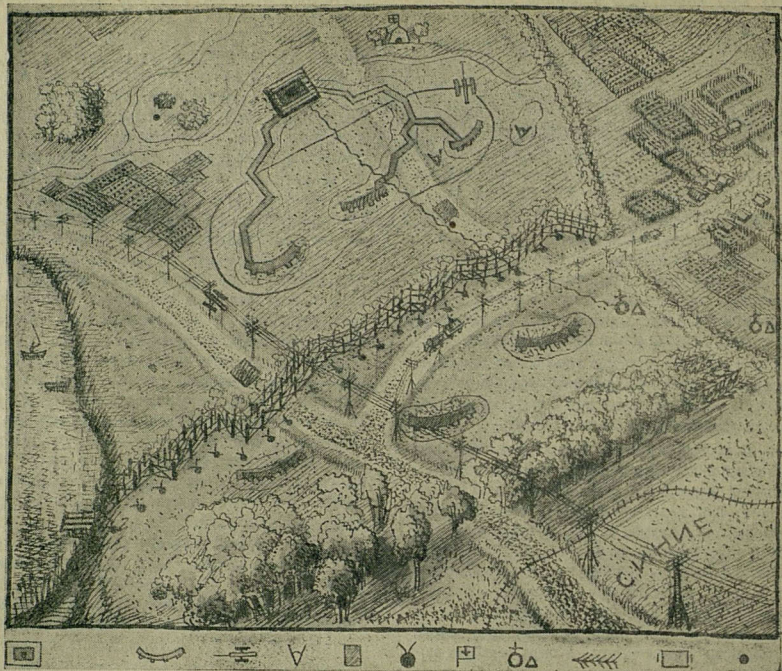
— Вот сюда и должны пробираться «синие», — сказал Витя. — Это нелёгкая задача. Здесь ведут огонь наши снайперы. Если же противнику удастся захватить наши ячейки и окопы, ребята по моему сигналу отойдут в траншею.

— А как же вы, Витя, подадите сигнал? — спросил я.

— Есть у нас мальчик Геня, он сигналист отряда. У него сигналка и свисток. Кроме этого я ему дал два флажка — красный и белый. Вместе с Геней я и буду управлять боем. Красный флажок — значит открыты огонь, белый — прекратить. Длинный свисток — обороняться, несколько коротких — двигаться вперёд. На сигналке заиграли — это сбор «все ко мне». Связь налажена и со штабом. На замаскированном наблюдательном пункте у провода (его нам замешла верёвка с колокольчиком) дежурит связист. Один звонок — штабу известно, показались противник. Два — видны неприятельские группы. Три — вызов командира к месту наблюдения. У нас уже всё готово к игре. Завтра её должны были начать. Но нынче вожатый вдруг отложил на три дня.

— Почему же?

— «Синие» сделали из фанеры два танка, поэтому вожатый объявил нам новые условия. Он сказал, что танк может раздавить пулемёт и пойти на него даже в том случае, когда работает трещотка. Танк может победить даже целое отделение. Ну, а мы об этом не подумали.

КАРТА УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА «КРАСНЫХ»

Крепость, окопы, пушки, снайперские стрелковые ячейки, ловушки для танков, мины, пункт медицинской помощи, наблюдательный пункт, лесной завал, склад оружия и часовой, охраняющий его, обозначены на карте условными знаками, нарисованными внизу под картой.

Да и самим нам нужно сделать теперь два или три танка. Без них наступать неудобно.

— Ну, вот что, Витя, в этом я вам помогу. Когда вы вернётесь сюда после обеда, принесите с собой пилу, топор и несколько гвоздей. Мы устроим такую противотанковую оборону, что танки «синих» ни за что не пройдут.

После обеда ребята снова пришли на высоту. Встретили они меня, как старого знакомого. Из небольших брёвен мы сделали три деревянных пушки и установили их так, что они могли «обстреливать» всю вперед лежачую местность. Из обрубков соорудили деревянные противотанковые гранаты и налили водой пустые бутылки, принесённые с собой. Сделали два фанерных танка.

— Вот это здорово! Теперь мы танки «синих» не пропустим, — сказал Миша.

По этим наши «противотанковые меры» не закончились. На другой день ребята устроили перед проволокой «минные» поля. Из толстого бревна напильли колёс—это и были «минны», — зарыли их и хорошо замаскировали дёрном. В двух местах вырыли ямы-ловушки для вражеских танков.

Через три дня началась игра. «Синие» и «красные» поочереди наступали на укрепленный лагерь «противника». Победа была присуждена «красным». Они ворвались в крепость к «синим» и захватили у них знамя. Я внимательно наблюдал этот бой. Игра, проведённая пионерами, принесла ребятам большую пользу. Поэтому я и решил написать о том, что произошло на берегу большого озера.

Мы помогли КОЛХОЗУ

Рис. В. Вагашина

В колхозе имени Чапаева, Чкаловской области, ребята из году в год занимаются ловом сусликов. Детской бригадой руководит шестидесятилетний колхозник Иван Фёдорович Коломиец.

Всё лето и осень прошлого года я провела на промысле суслика Долгое время работала с чапаевской бригадой.

Ранней весной, чтобы не мешать школьным занятиям, мы выходили на охоту во второй половине дня и вечером возвращались домой.

Во время каникул Иван Фёдорович раздобыл в колхозе верблюда, крытую повозку и наша бригада кочевала по степи. Быловим сусликов на одном участке — переезжаем на другой, ещё заселённый вредными грызунами.

Первый раз мы вышли в степь, как только сошёл снег. Повсюду, как маленькие озёрца, блестели лужи снеговой воды. Эта вода и помогала нам на охоте.

Найдут ребята жилую нору, выльют в отверстие ведро холодной воды, а сами приникнут ухом к земле и прислушиваются. Вот из-под земли доносится чиханье. Значит, скоро на поверхность вынется мокрая сусличья голова. Тут важно не пропустить момент и сразу же схватить зверька за шиворот. Если суслик успеет перебраться в другую нору, выдуть его второй раз очень трудно. Можно вкатыть в нору 10 ведер, а всё без толку. Напуганный суслик скорее погибнет, чем вылезет наружу.

Иной раз в степи чуть ли не на каждом шагу нора. Но не во всякой есть жилища. Норы у суслика разные. Есть целые подземные хоромы с кодами-коридорами по несколько метров в длину и с расширением — гнездом. Здесь в мае у самки-суслика рождаются детёныши. Это семейная квартира, постоянное жилище. А есть временные норы, куда суслик прячется от опасности или укрывается от жары.

Чтобы охота была успешной, надо точно знать, в какой норе сейчас находится суслик, возле какого выхода из подземной квартиры нужно его подстеречь. Вытоптанная тропинка, кучка срезанных стебельков злаков, следы лап на свежавброшенном песке, помет — вот признаки, по которым наши следопыты узнавали о том, что нора обитаема.

Летом, когда солнце высушит степь и земля станет сухая и твёрдая, как кирпич, решить задачу труднее. Тут надо изучить внутренность хода. Стенки хо-

да, которым пользуется суслик, гладкие, без шероховатостей. Зверёк как бы отшлифовал их своим телом. Края жилой норки окатанные, как галька на берегу реки. В таком ходе никогда не будет паутины.

Если же нора брошена, — края у неё неровные, а самый ход часто засыпан землёй или зарос травой.

В мае, когда снеговая вода ушла в землю и степь просохла, мы стали отлавливать сусликов маленькими капканами.

Мы снимали лопаткой слой земли у входа в нору и на эту площадку ставили заряженный капкан. Привяжем его к вбитому в землю колышку, замаскируем куском дёрна, а для себя отметим кучкой земли или длинным прутом. Иначе не найдёшь. Каждый из наших охотников расставлял по 20 — 25 капканчиков и отлавливал по 40 — 50 сусликов в день. В степи немало любителей жирного сусличьего мяса: тут и ласка, и горностай, и корсак, и крылатая хищница пустельга. Если нерадивый охотник за день не удосужится ни разу обойти свой участок, наутро от его сусликов останутся «рожки да ножки».

Как-то Коля Шулаев, парнишка из нашей бригады, вовсе не нашёл на месте поставленного им капкан: кто-то утащил его вместе с колышком. Колышек, волочившийся по земле, оставил за собой приметную бороздку. Коля пошёл по следу и, пройдя с полсотни шагов, нашёл в кустах похитителя капкана. На земле с угрожающим шипеньем метался гибкий, как змея, стеногий хорь, пытаясь высвободить лапу из капкана.

Хорь — неутомимый истребитель сусликов. В норах хоря мы находили до 10 загрызенных и отложенных про запас сусликов. В тех местах, где живёт много хорей, резко уменьшается сусличье население.

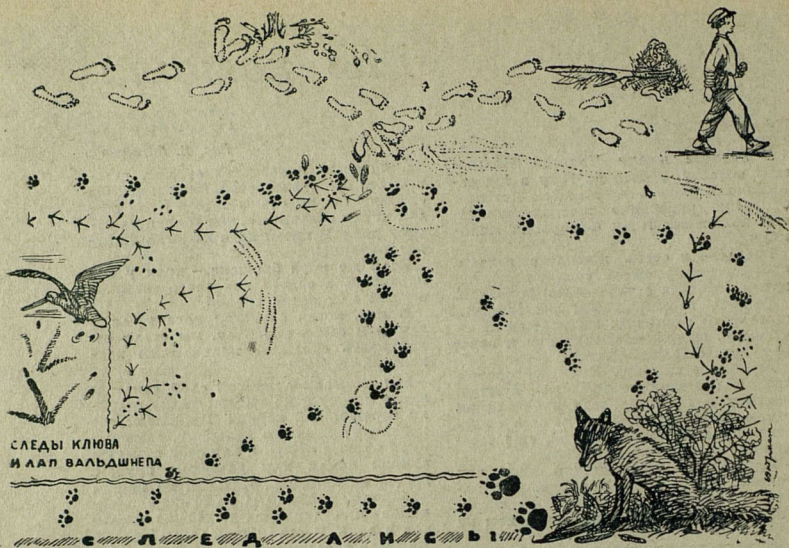
А с колыным хорём случилась досадная ошибка: направляясь в нору за сусликами, хищник сам попал передней лапой в капкан. У него хватило силы утащить капкан далеко в степь, но колышек, зацепившийся за ветку куста, остановил хоря.

С большим трудом Коле удалось разжать спусковые дуги и высвободить его.

Один суслик может съесть за год от 4 до 16 килограммов зерна. Наша бригада отловила за лето 23 700 сусликов. 95 тонн зерна сберегли мы своему колхозу.

Зоолог Т. Петрова

Прочти по этим следам, что здесь произошло.

СОДЕРЖАНИЕ

Подвиг юного ленинца... II п. обл.		Победа моря. Часть вторая. — Повесть Сергея Гоцгорьева. Рис. П. Кузьмичёва . . .	18 стр
Большой друг. — Очерк М. Киндиз. Рис. В. Цель- мера	1 стр.	Что произошло на берегу озера. — Полков- ник Н. Баканов	28 "
Моя Керчь. — Анна Гарф. Рис. Ю. Кискачи .	6 "	Мы помогли колязю. — Зоолог Т. Петрова Рис. В. Ватагина	31 "
Юные ленинцы. — Л. Рогачевский	10 "	Расскажем друг другу о делах пионерских III п. обл.	
Знаменитые корабли. — Л. Успенский	14 "	Памятка огородника. IV п. обл.	
В путь-дорогу. — Н. Студенецкий. Рис. Евг. Эндриксон	16 "	На вкладыше: картина А. Пластова „Летом“	

На обложке: рисунок лауреата Сталинской премии Н. Жукова „Военная игра“.

Редколлегия: Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кононенко Е. В.,
Маршак С. Я., Сафонов В. В., Сысоева А. А.

Подписано к печати 16/VI—44 г.

Изд. № 367.

А5182.

82 × 110.

1/16 бум. листа.

76 999 печ. зн. в печ. листе.

2 п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Зак. 1020.

Тираж 24.000 экз.

ДРУГ ДРУГУ

О ДЕЛАХ ПИОНЕРСКИХ

К своему походу на Угамский хребет юные туристы ташкентского Дома пионеров начали готовиться ещё зимой. Девочки шили рюкзаки, а мальчики приготавливали всё нужное походное снаряжение. В точно назначенные день и час юные туристы двинулись в путь. Вместе с ними пошёл вожатый — учитель географии Майгулиев. После кишлака Ходжикент сразу началась крутой подъём в гору. Дорога была очень красивая. Живописное предгорье Угамского хребта всё заросло цветами и дикими растениями. К вечеру ребята пришли к горной речке Угам. Ночевали в палатках. Готовили себе пищу на костре. Переправлялись по канату через бурные горные речки. Туристы собрали небольшую коллекцию минералов и много лекарственных трав. Леда Гамчудинова сделала много зарисовок. Первый поход был очень интересным и прошёл чудесно. Ребята вернулись домой загорелые и довольные.

★

В светлой, солнечной комнате, в чистых кроватках спят малыши. Около каждого на маленькой табуреточке аккуратно сложены его вещи. А на кухне моют посуду и тихо разговаривают между собой дежурные девочки-пионерки.

Трёхлетняя Света Ермолова проснулась первая, а за ней — и остальные ребята. Девочки помогают малышам одеться. Дежурная по кухне Нина Цветаева разливает в чашечки молоко. Попив молока, малыши принимаются за игры. Ребята из старшей группы собрались вокруг Тони Куз-

нецовой и, зажав дыхание, слушают интересную книжку. Малышам Новосергиевской детской площадки, Читинской области, не приходится скучать с тех пор, как к ним стали ходить пионеры. Один день стал интереснее другого. И готовят девочки очень вкусно и всем шили красивые халатки и трусики.

★

Далеко в степи виден бригадный стан второй колхозной бригады колхоза «Красный колос», Краснодарского края. Ослепительная белизна выделяется он на зелёном фоне степного простора. Дома табора обмазаны и чисто побелены. Вокруг раскинулась весь в бело-розовом цвету молодой сад. Калумбы с цветками, аллеи обложены кирпичиками. Сад обнесён новой оградой. А за ним поля, покрытые изумрудной зеленью хлебов.

— Ну что за молодцы ребята, какую красоту тут навели! Теперь нам и домой возвращаться не захочется, — говорят колхозники.

Пионеры колхоза немало здесь потрудились. Привести в порядок полевой стан, сделать его красивым было не так легко. Но ребята твёрдо решили это сделать, когда узнали, что второй бригаде за отличную работу присвоено звание фронтовой.

★

В прошлом году в самом разгаре летних работ в колхозе «Большевик», Московской области, заболел счетовод; его заменила школьница Надя Пастухова. Надей остались довольны: она отлично справилась с работой.

Ранней весной Надя сказала своим друзьям:

— Ребята, давайте организуем у себя в школе кружок колхозных счетоводов, ведь у нас во многих колхозах их нет.

Ребята охотно согласились. Руководить кружком стал опытный счетовод тов. Ванев из колхоза имени Орджоникидзе.

Десять квалифицированных счетоводов подготовил кружок в Борисовской школе, и каждого из них ждёт интересная и полезная работа.

★

Валтайский пионерский лагерь «Артек» приехали на отдых трие друзей из Барнаульского района: Вася Находкин, Миша Смирнов и Шура Воробьёв. Все трое из разных колхозов, но все хорошо знают друг друга. Вася — лучший конюх колхоза «Юный пролетарий». Его лошади всегда упитанны, несмотря ни на какую работу, Миша из колхоза имени Урицкого прославился на вывозке зерна. Несмотря на свой возраст он почти всегда обгонял многих взрослых. Шура отличился на пахоте и весеннем севе. В колхозе «Труд Ленина», пока шёл сев, его фамилия не сходила с красной доски.

★

Все они уже опытные огородники. Восемь гектаров своего пришкольного огорода ребята средней школы Иркутского зерносовхоза засадили исключительно своими семенами, которые они вырастили в прошлом году. Сейчас на грядках уже взойшли первые ранние овощи. Юные натуралисты школы сделали опытные посевы лекарственных трав.

* Уже тепло, пора переселять на грядки капустную и томатную рассаду. Самое главное при пересадке — не повредить корни: они добывают из земли пищу для растений. Бери рассаду с комочком земли, прилегающей к корням. На дно лунки положи горсть перегноя. Хорошо расправь корни рассады, чтобы они не загибались вверх и не сбивались в комок. После посадки полей рассаду и, когда впитается вода, присыпь почву вокруг растения сухой землёй или перегноем.

* Почаще рыхли землю на огороде. Вот какие инструменты нужны для этого (смотри рисунок). Сок и рыхлитель ты можешь сам сделать. На первых порах рыхлителем может служить обыкновенная столовая вилка.

* Хочешь собрать хороший урожай, — не оставляй ни одного сорняка на своём огороде. Сорняки рано всходят и с наступлением тёплых дней быстро идут в рост. Если ты дашь им волю, они заглушат твой огород. Обкашивай до начала цветения трав все пустыри, межи и дороги вокруг огорода.

* Оборыв у томата боковые побеги (пасынки), как показано на рисунке, оставь на кусте только 2—3 побега. Плоды на оставленных побегах получат больше питания, вырастут крупнее и раньше созреют.

* Растение выпивает много воды. Когда завязываются кочны на капусте, каждому растению нужно 5—10 литров воды в день. Поливай свой огород нагретой на солнце водой: от холодной колодезной воды растения болеют.

* Рассаду может погубить капустная муха. Она откладывает свои личинки в землю, и они вгрызаются в корни капусты, брюквы, редиса. Как только заметишь летающую капустную муху, посыпь почву вокруг растений смесью песка и нафталина (1 часть нафталина на 10 частей песка).

* Растения, на которые напала земляная блоха, опыливай табачной пылью, золой или сажей. Это отпугнёт её. А чтобы выловить этих прыгающих жучков, прикрепи тряпочку к палке и покрой её дёгтем или какиминбудь, другим липким составом. Проводи тряпочкой над растениями, слегка задевая их, блошки будут подсакивать и прилипать к ней.

* Окучивай огурцы и капусту после дождя или поливки. От этого у них разовьются дополнительные корни, больше питательных веществ возьмут они из почвы.

* У огурцов плоды развиваются из женских цветов, а их бывает больше на боковых плетях. После появления третьего листа прищипни верхушку главной плети, тогда скорее разовьются боковые плети и ты соберёшь больший урожай.

* Осмотри на грядке землянику. У неё вырастают усы. На них разовьются розетки листьев, а потом корешки. Если ты собираешься осенью расширить посадки земляники, оставь 1—2 побега для укоренения, а остальные обрежь у самого куста, чтобы они не истощали взрослые кусты.

